

КИРИЛЛ ШАРАПОВ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 №7

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Кирилл Шарапов

На той стороне

Серия «На той стороне», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67850817

SelfPub; 2022

Аннотация

«Доброволец» для научного эксперимента по приговору суда. Попаданец в мир, переживший глобальную магическую катастрофу. Задача простая – выжить в новой реальности. Актив – старый револьвер, не менее древняя винтовка и странное умение – поднимать с трупов черные плотные шарики, наполненные концентрированной тьмой. Технология, магия и человек, к которому просто липнут неприятности – очень взрывоопасная смесь.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	16
Глава вторая	39
Глава третья	68
Глава четвертая	98
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Кирилл Шарапов

На той стороне

Пролог

– Воронцов Константин Андреевич, вы приговариваетесь к смертной казни. Но, учитывая запрос Научного департамента, казнь будет заменена на участие в эксперименте.

Судья с жирной, лоснящейся от пота, рожей усмехнулся. Мерзкой была эта усмешка, но Константин Воронцов встретил приговор, сидя, с немного равнодушным и отсутствующим видом. Он знал, что ему не выбраться, никакие апелляции ему не помогут. Общественное мнение было не на его стороне, как и общественный защитник в потасканном костюме, скучающий за столом возле клетки.

– Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, – продолжая скалиться, произнес судья, ставя финальную точку в громком процессе. – Вам все понятно? – Вершитель судеб в черной мантии уставился на Воронцова взглядом, полным брезгливого презрения, так смотрят на опустившегося бомжа, который уселся гадить под стеной новенького дома.

– Да, – ответил мужчина.

– Не слышу, – повысил голос судья.

– Да, – уже громче ответил Воронцов.

Судья вызывал у него рвотный рефлекс, жирный, с маленькими глазками, три подбородка надежно прикрывали шею, пальцы-сосиски стискивали планшет, по которому тот зачитывал приговор, а еще от него пахло потом.

– Хорошо, – сменив гнев на милость, обрадовался толстяк. – Вы мне противны, подсудимый, и ваш приговор не вызывает у меня ни малейшего сомнения. Вы убили пятерых достойнейших граждан нашего города и ответите за это по всей строгости закона. Вам есть, что сказать?

– С законом твой приговор не имеет ничего общего, жирный ты боров. Эти четверо «достойных» граждан, – Константин ухмыльнулся прямо в рожу судьи, которая после первых же слов подсудимого стала красной, как перезревший помидор, – убили девочку, насиловали и резали, резали и насиловали. И я не жалею о своем поступке.

Он повернулся к камере. Журналисты, допущенные на оглашение приговора, вели прямой репортаж и после его слов так растерялись, что забыли отключить трансляцию, весь процесс подсудимый молчал и смотрел прямо перед собой, говорил только, когда к нему обращались, отвечая «да» и «нет», и все привыкли, не ожидали подвоха. Поэтому, когда он толкнул речь, все немного опешили...

– Суки продажные, – продолжил Воронцов, видя, как к нему бегут конвоиры с электрошокерами, – будьте вы прокляты. Я убил сына видной шишки из правления корпорации «Экзотех», подонка, социопата, ублюдка и нелюдь, а еще

его дружков, таких же упырей, оборзевших от безнаказанности. И представься мне такой шанс повторно, я бы убивал их снова и снова.

— Конвой, — краснея и покрываясь пятнами, наконец, заорал судья, что есть мочи, — увести, и объясните ему, как следует обращаться к официальному лицу.

Два бугая размерами с внушительные шкафчики, наконец, ворвались в клетку, и тут же саданули мужчину двойным разрядом электричества, от чего его скрючило на полу. Но отлежаться ему не дали, поставили на ноги, заломили Константина в «позу ласточки» и, мерзко ухмыляясь, вывели его из зала, под проклятья судьи, несущиеся вслед. Воронцов ни о чем не жалел, кроме, пожалуй, одного — он не смог спасти девочку, она не выжила.

Били его судебские мордовороты не слишком активно, во всяком случае, не так как до этого, пока он не взял вину на себя, на него повесили этих четверых ублюдков и девочку. От него отвернулись все — друзья, родные. Мать умерла за неделю до начала слушаний, не выдержало сердце. Отец погиб еще восемь лет назад в аварии, и теперь у Константина не осталось никого. Почему смертная казнь заменена на медицинский эксперимент, он не знал, но чувствовал, что это конечная, не смягчение приговора, не отсрочка, такая же верная смерть, только не в результате инъекции, когда ты тихо засыпаешь, а долгая и со сто процентной вероятностью мучительная. Наверняка папаша упыренка подсуетился, вся

страна смаковала подробности процесса, убит сын одного из самых влиятельных и богатых инвесторов и меценатов, который, на свою беду, повстречался с чудовищем Воронцовым. Так было в официальной версии, а на самом деле – соседка наняла частного сыщика Воронцова, найти свою дочь, которая не вернулась из института. В полиции и слышать не хотели, пока не пройдет трое суток, просто отмахнулись. Но в городе пропадали девушки, которых потом находили изрезанными и изнасилованными, родители стали нервными и подозрительными, и дочерей встречали с учебы, и не выпускали из дома. Аня стала девятнадцатой, девушка она была ответственная, и инструкцию после института домой выполняла в течение семи недель неукоснительно.

Понимая, как важно время, бывший мент, а ныне частный детектив, поднял все связи. И ему повезло, уже через четыре часа он нашел запись похищения, вот только... Пробив машину, он понял, что в полицию идти бесполезно, запись изымут, а его пошлют, а может, и грохнут ребята из службы корпоративной безопасности, в этом городе владелец машины был наместником бога. Никто не будет связываться с ним, никто не пойдет против него. А вот Воронцов пошел. За двадцать четыре часа он нашел и машину и ее владельца, вернее его сына и троих подручных подонка. Он опоздал... Когда Константин увидел, что осталось от милой соседской девушки, у него сорвало планку. Он бил в эти мягкие, толстые, слабые тела, он крушил кости, рвал плоть, та не под-

давалась, и он достал нож... В себя он пришел, стоя по щиколотку в крови, весь он, от кончиков пальцев до макушки, был ей залит одежда промокла насквозь, хоть выжимай. На полу то, что осталось от четверых подростков, возрастом от восемнадцати до двадцати трех лет. А через минуту внутрь ворвались корпораты, в своей серой броне, которую пулей-то не всякой поцарапаешь, не то, что ножом. Его сковали и вырубili, выстрелив дротиком. Очнулся он уже в камере, где на него смотрел его друг – капитан Ершов. Вздохнув, мент развернулся и ушел. Воронцов понимал его, никто ему уже не мог помочь, незачем губить себя, он уже мертвец. Константин не ошибся, дальше начался фарс, мальчики стали белыми и пушистыми, а он кровавым маньяком. Правда, девочек остальных на него записать не удалось, но его объявили подражателем, а Аню первой жертвой, уж больно удачно все сложилось, запись похищения исчезла, алиби у него не было. На него повесили все... И вот теперь, спустя два месяца, он оказался скованный по рукам и ногам, в фургоне без окон, напротив него сидели два мрачных типа, в некоем подобии формы с незнакомыми шевронами на рукаве. Разглядеть, что там нарисовано, у Константина не получилось.

– Куда везете? – спросил он.

Молчание в ответ. Хотя, глянув на тупые рожи быков, Воронцов заподозрил, что на связанный ответ они могут быть и не способны.

– Не разговаривать, – с угрозой произнес один из шка-

фов, – за каждое произнесенное слово удар по морде, всем плевать, с зубами ты попадешь в институт или без.

Константин кивнул, принимая расклад. Он прикрыл глаза и попытался задремать, машина шла плавно, и ничто не мешало ему это сделать. Вот только вскоре дорога стала гораздо хуже, и, дважды приложившись башкой о борт фургона, Воронцов понял, что поспать ему не удастся. Ехали долго, захотелось в туалет, но он терпел, внутренний хронометр показывал, что прошло не меньше семи часов. Один раз машина остановилась на какой-то заправке, и охранники, по очереди, посетили уборную. Спрашивать, хочет ли их подопечный в туалет, они не стали. Константин тоже молчал, помня про угрозу, все равно ведь не выведут, а по морде гарантированно огребет.

Все имеет конец, вот и это путешествие подошло к финалу. Машина остановилась, тяжелые задние створки распахнулись, по глазам ударил яркий электрический свет. Константин зажмурился, но перед этим успел разглядеть четыре фигуры и мощную овчарку, которая угрожающе заворчала и оскалилась, стоило дверям раскрыться.

– На выход, – зло заорал один из встречающих, а следом кто-то дернул за цепь наручников, и Воронцов полетел на пол, откуда его буквально выкинули наружу, приложив левым боком о бетонное покрытие.

Овчарка залаяла, ее дыхание, отдающее гнилым мясом, било в нос, но через пару секунд собаку оттащили.

– Встать, – заорал один из мужчин. После чего Константин получил удар ногой по почкам.

Кое-как поднявшись, он смог, наконец, оглядеться. Подземная парковка, свод поддерживают бетонные колонны, стоящие через каждые десять метров, четверо встречающих с собакой, два шкафа-конвоира, никакого другого транспорта, только фургон, на котором его везли. Встречающие одеты в такую же, как у шкафов, форму темно серого цвета. Наконец, Константин смог разглядеть шевроны. Какой-то голубоватый овал, под ним аббревиатура – Г.И.И.П. Что бы это могло значить, Воронцов не понял, но одно было ясно наверняка, лучше бы его шлепнули, хотя могло быть и хуже, и его отдали бы отцу подонка, которого он убил.

Командовавший до этого мужчина – крепкий, средних лет, на голову выше Воронцова, подошел почти вплотную. Несколько секунд он пристально смотрел ему в глаза, после чего заорал прямо в лицо:

– Молча идешь вперед, никаких вопросов и просьб, делаешь, что говорят. Малейшее непослушание, и тут же следует наказание. Гарантирую, оно тебе не понравится. Рот открываешь только, если я задаю вопрос. Ты все понял?

– Да, – четко ответил Воронцов, не видя смысла нарываться, быть отмудоханным просто за то, что не соблюдаешь эту простую инструкцию, ему не хотелось.

– Молодец, люблю понятливых, – обрадовался мужик. – Будешь хорошо себя вести, получишь еду, сигарету, койку и

возможность сходить в туалет. Ты понял меня?

– Да.

– Тогда вперед, за мной.

Воронцов мелкими шагами, поскольку ноги были скованы кандалами, засеменял следом за командиром, остальные организовали вокруг коробочку, держа наготове электрошоковые дубинки. Последний вел на поводке собаку, которая успокоилась и прекратила кидаться на Константина. Шкафы и выбравшийся наружу водитель стояли возле фургона и курили, но вскоре остались далеко позади.

Большой лифт распахнул перед ними свои двери, Воронцов оказался в центре, и успел заметить, как главный нажал кнопку минус четвертого этажа. То есть, везли его не вверх, а вниз. Спуск занял минуты три, что наводило на мысли о приличной глубине. Наконец, створки распахнулись и его вывели в коридор, выложенный коричневым кафелем. Еще одна дверь – серьезная, толщина с полметра. Ее открыли с той стороны после того, как главный конвоир приставил карточку к сканеру.

Прямо за дверью находился пост охраны – серьезные ребята с автоматическим оружием, пара автоматов и пистолеты. К своему стыду, Константин не смог определить модель, похоже, что-то заграничное, что наводило на неприятные мысли.

– Вперед, – скомандовал главный, подписав какую-то бумагу, дверь за спиной почти бесшумно закрылась.

Дорога закончилась в душевой, где с Воронцова стянули грязную одежду, в которой он месяц ждал суда, окатили из шланга, дав кусок мыла, и позволили привести себя в порядок. Затем выдали новую одежду, черная роба – штаны и куртка, белая майка, кепи, только никакого номера на груди, тяжелые грубые ботинки, причем первый раз с размером не угадали, пришлось одному из конвоиров идти на склад.

Константина вывели в коридор, на этот раз без ножных кандалов, и, проведя через пару закрытых массивных решеток и лестниц, привели к камере, всего он насчитал десятков, причем девять из них были пусты, в одной на нарах лежал сильно избитый человек в точно такой же робе.

– Знакомься, – произнес главный, – это сорок первый, твой сосед, серийный педофил, убил двух маленьких мальчиков, выманив их со двора частного дома. Он следующий на эксперимент, ты за ним. Не бойсь, месяцами ждать не придется, думаю, уже послезавтра встретишься с академиком, а потом сядешь в кресло.

Константин пожал плечами и шагнул в камеру, которая закрывалась прозрачной пластиковой дверью, но нечего было и думать, чтобы проломить ее, слышал он про этот материал, толщина всего сантиметров восемь, а держит пулю из автомата, а чтобы пробить, нужна пуля крупного калибра, не меньше чем 12,7. Дверь за ним закрылась, главный с несколько секунд смотрел ему в спину.

– Ну, долго мне еще ждать? – нетерпеливо произнес он,

заставив Воронцова обернуться. – Руки в отверстие для пищи, наручники сниму.

Браслеты исчезли, и Константин потер запястья.

– Еда через два часа, – проинструктировал конвоир, – в углу умывальник и параша. Камера под круглосуточным наблюдением, так что не стесняйся. Здесь должен быть порядок – кровать заправлена. Можешь спать и лежать в любое время, никого не колышет, тебе недолго осталось. Гордись, поможешь науке шагнуть вперед, хоть на что-то, мразь, сгодишься.

Воронцов промолчал, у него было свое мнение на этот счет, но возникать – значит искать приключений.

– Куришь?

Константин кивнул.

– Держи, – доставая из кармана пачку папирос и коробок спичек, расщедрился конвоир. – Я тебе обещал за хорошее поведение курево, мое слово твердое. Ты не создаешь проблем нам, мы тебя не мудохаем, как вон то чмо. Ладно, отдыхай, – и, развернувшись, главный надзиратель ушел следом за своими людьми.

Константин первым делом бросился к унитазу, железный, намертво вмонтированный в стену, довольно чистый, стульчак отсутствовал, так что пришлось теплой задницей садиться на холодный металл. Избавившись от напряжения, Воронцов вымыл руки и, достав из кармана пачку сигарет, прикурил. Едкий дым, заставил его закашляться, сколько лет про-

шло с того момента, как он курил что-то без фильтра, кальян и трубки не в счет. Окурок отправился в унитаз и был смыт. Самое время оценить ситуацию, хотя, что там оценивать? Он приговорен к смерти, ничего не изменилось, вот только, скорее всего, легкой она не будет. «Суки», – мысленно выругался Воронцов. Он не питал иллюзий, ему отсюда не уйти, хоть за все время он видел меньше десятка людей, охрана на уровне, а он далеко не лихой спецназовец, чтобы пробиться через них силой. Нет, он выйдет отсюда, и скоро, но дорога у него одна – на тюремное кладбище. Он знал, что ему конец, так чего себя жалеть? Посидев с минуту, он завалился на койку, которая оказалась на диво удобной. До самого ужина он лежал, уставившись в кремовый потолок, пока не появился мужик с небольшой тележкой, на которой помимо кастрюли была пара мисок, чайник и два пластиковых стакана.

– Объект сорок два, – крикнул сотрудник, после чего плюхнул два половника в миску и сунул ее в окошко.

Воронцов уже сидел, оставалось только встать и сделать два шага к двери и забрать тару. Следом ему сунули ложку, два куса черного, не слишком свежего хлеба и стакан с чаем. Бурда в миске была коричневого цвета, и самое интересное, она оказалась вполне съедобной, что-то вроде рагу из овощей с кусками мяса. Не сказать, что последнего было много, но все же хватало. Чай был крепкий и сладкий, с сахаром местные повара явно перестарались, но Константин

все равно выпил стакан целиком.

А вот сорок первый, сидящий в камере напротив, даже не шевельнулся, когда принесли еду, он едва слышно стонал, что говорило о том, что он жив. Спустя два часа погасили свет, давая как бы намек, что пора спать. Выкурив еще одну ядовитую папиросу, Воронцов разделся и забрался под плотное теплое вафельное одеяло, которое больше напоминало фанеру. Как ни странно, сон пришел почти сразу, мозг словно смирился с ситуацией, да и устал он за последние сутки. Но почему-то Константин не ощущал тотальной обреченности, у него возникло предчувствие, что все еще впереди. Хотя какое «впереди» может быть у подопытного, приговоренного к смерти?

Глава первая

За 41 пришли спустя час после того, как зажегся свет. Два мордоворота вытащили его из камеры, тот отбивался и брыкался. Охранники, не долго думая, угостили его парой разрядов из электрошокеров, после чего, подхватив под руки обмякшее тело, поволокли по коридору. Обрато он не вернулся. Константин, который уже встал, умылся и даже обтерся намоченным полотенцем, наблюдал через прозрачную дверь за этим, поморщился, человеколюбием местные надзиратели не страдали, действовали жестко и с максимальной эффективностью. Сколько ему осталось? Их главный сказал – два дня. Что ж, будь, что будет, вот только нет смысла брыкаться, два удара электрошоком, и его так же поволокут, только он поймет кучу неприятных ощущений. Да и не особо ему было жалко соседа, если он и вправду педофил и убийца детей, тогда пусть горит в аду, не всех же подставляют, как его. Хотя всегда есть исключения из правил, если бы он убил обычную шпану, которая ради развлечения резала девочек, то ему бы еще и орден дали, а так вмешалась мохнатая лапа. Воронцов махнул рукой и завалился поверх одеяла на заправленную кровать. Разносчик с кашей появился через два часа. Надо сказать, каша оказалась вполне ничего, молочная, рисовая с неплохим куском масла. Вкусно. И чай на этот раз не такой приторно-сладкий, и даже кусок белого хлеба был не старым,

а вполне себе свежим, наверное, в этот научный комплекс доставляли продукты, а может, и сами пекли. Хрен его знает, какая здесь система. Доев и выкурив папиросу, Воронцов задумался, чем бы ему заняться, больше всего ему бы подошла книга. И когда охранник вернулся за грязной посудой, Константин решил к нему обратиться.

– Начальник, – окликнул он надзирателя используя феню, которую знал довольно неплохо, поскольку в сферу своей деятельности приходилось общаться с разным контингентом, в том числе и с отсидевшими.

Тот поднял глаза и выжидательно посмотрел на обратившегося к нему приговоренного, ни злобы, ни агрессии, взгляд его скорее был усталым.

– У вас есть тут библиотека? Почитать бы чего, – попросил Константин.

– Не, нету, – покачал головой тот. – Но у охраны есть небольшой стеллаж с книгами, в основном детективы да боевики всякие, принести?

– Буду признателен, – вежливо ответил Воронцов. – И еще вопрос, может, скажешь, где я нахожусь, и чем тут занимаются? Все равно это знание со мной уйдет.

– Да нет уже для тебя никакой тайны, – ответил охранник, потом указал на шеврон с буквами Г.И.И.П. – расшифровывается как Государственный Исследовательский Институт Пространства. Секретные разработки по пространственным перемещениям. Президент еще в начале двадцатых про-

финансировал разработки, так появился институт, которому уже четыре года. Объект секретный, но тебе-то уже без разницы. Ладно, в обед книгу принесу. – И, развернув тележку, покатил ее по бетонному полу.

Книгу он принес замызганную, в мягкой обложке, с выпадающими страницами, только не детектив, а история про попаданца в какую-то параллельную вселенную. Читалась она неплохо, правда, некоторые моменты были фантастичны даже для фантастического произведения. Но она помогла Константину скрасить последние дни. Сосед его так и не вернулся.

За ним пришли не через день как обещал охранник, а через два, как и за 41, спустя час, как зажегся свет, все та же пара бугаев.

– Сам пойдешь? – открывая дверь и демонстрируя электрошокерную дубинку, поинтересовался тот, у которого лицо было поумнее.

– Сам.

– Молодец, – похвалил охранник, – а то твой сосед все бунтовал, орал, что мы права не имеем, что он будет жаловаться в суд по правам человека. Вот чудак, какой же он человек, если с детишками такое делал?

– А точно он? – выходя из камеры и сведя руки за спиной, спросил Константин. – Я вот, например, перешел дорожку влиятельной скотине. Правда, я его сына убил за то, что он девчонок резал и насиловал. Так, может, и не он детишек-то?

– Он, – уверенно заявил охранник. – Там видеозапись была, как он уводит. Он снимал на телефон, как насиловал и убивал мальчишек. Короче, с такой доказухой... А ты вправду не убивал ту девку?

Воронцов покачал головой.

– Но я ни о чем не жалею, появилась бы возможность, сделал бы то же самое. Вы во времени отправлять не умеете?

– Не-а, – весело заявил охранник. – А ты мужик с юмором, если вправду не виновен, жалко мне тебя.

– А я только о маме жалею, умерла за несколько дней до суда, сердце не выдержало, столько грязи на меня вылили. Ну, да ладно, может, скажете, что мне предстоит?

– Мы же занимаемся пространством, добровольцы давно кончились, ты вот уже двадцать восьмой по приговору. Тебе предстоит умереть во имя великой цели, пробить пространство вселенной и открыть дорогу в другой мир. Но с вероятностью в 99 процентов, тебя разбросает по коридору, как и остальных, и следующие сутки его будут отмывать от кровавых ошметков.

– Так что, за соседом моим уже прибрали? – поинтересовался Воронцов, охранники оказались разговорчивые, и им было тут скучно, между собой они все уже не один раз обсудили, а тут такой слушатель.

– Конечно, теперь твоя очередь, – подключился второй охранник. – Сейчас часа два на подготовку, пару прививок, пару процедур, только не спрашивай, каких, этим медицина

занимается, потом разденут, так как голышом отправляют, только органика, посадят в кресло, и алга на встречу вселенной.

Так, разговаривая, они спустились по лестницам, затем на лифте на минус шестой этаж, прошли через коридор, где за бронированным стеклом скучала очередная пара автоматчиков. И после тяжелой, явно бронированной, двери, которую открыли изнутри, начался уже медицинский и научный комплекс.

– Конечная, – произнес говорливый охранник, останавливая Константина перед дверьми, над которыми висела надпись «Третья медицинская лаборатория». – Прощай, уже не свидимся.

Воронцов кивнул и решительно шагнул навстречу другой паре бугаев, которые носили медицинские костюмы.

– А ты парень с яйцами, – с уважением произнес второй охранник. – Верю я, что ты девку ту не трогал. Удачи тебе.

Прежде всего с Воронцова стянули робу и отшвырнули в сторону, понятно, больше она ему не понадобится. Затем запихнули в камеру и, приказав плотно закрыть глаза, если он не хочет истекать слезами все оставшееся ему время, обдали каким-то сухим химическим раствором, а может, паром, облили пеной, двое с длинными щетками принялись еще драить, словно палубу на корабле, затем еще раз обдали воняющей химией водой.

Кресло с зажимами Воронцову очень не понравилось. Его

усадили и надежно зафиксировали шестью стальными фиксаторами, четыре на руки ноги, и по одному на голову и на грудь. Внутри Константина все заледенело, зачем зажимы, если впереди не предстоит адская боль? Может, все же стоило рискнуть и пойти на прорыв? Он бы пошел, если бы хоть малейший шанс, не настолько он крутой, чтобы справиться с парой здоровенных тренированных бугаев, у которых имеются наручники, газовые баллончики, против которых бывший детектив вообще не плясал, он относился к категории людей, которым от газа становилось совсем туго. А еще дубинки. Нет, фигня это, а не идея. Ну, отмудохали бы его, как соседа, что лучше бы стало? Приволокли бы сюда, и все равно в этом кресле очутился, только с побоями средней тяжести, им плевать, в каком состоянии его в другую вселенную запускать, все равно ведь по коридору размажет тонким слоем. Так что, можно провести последние часы жизнь в более-менее приемлемом виде, или избитым до полусмерти, и если выбор выглядит так, то пусть будет первый вариант.

Появился доктор, он был в обычном халате, а не белом медицинском скафандре.

– Объект 42, – обратился он к Воронцову, – у вас очень интересная кровь, поэтому вы оказались здесь. Вы уже знаете, чем мы занимаемся?

– Знаю, – отозвался Константин, – вы уже размазали сорок одного человека по бетонному коридору.

– Юмор, – рассмеялся врач, – одобряю, мне нравится ваш

настрой. А если серьезно?

– Вы пытаетесь пробить пространство и, выполнив завет президента, открыть телепортацию.

– Ну, почти, хотя телепортацией занимается другая лаборатория, она на два уровня ниже. Мы пытаемся прорвать ткань пространства и отправить человека в другой мир.

Воронцов рассмеялся.

– Ну, с этим вы справляетесь блестяще, уже сорок одного человека отправили.

Доктор не обиделся, а снова рассмеялся.

– Хорошая шутка, повеселю ребят за ужином. Но на самом деле, если серьезно, где-то там есть тысячи миров, и это уже подтвержденный факт. Не спрашивайте, как это стало фактом, информация совершенно секретна, даже для человека, который, возможно, через несколько часов умрет, но факт – штука упрямая, и мы пытаемся отправить в один из этих миров людей. Вы наша сорок вторая попытка. Возможно, вам не повезет, и вы, как и остальные, умрете в результате очередного эксперимента, но если честно, мне плевать, больше всего неудаче расстроятся наши уборщики, они уже задолбались счищать останки со стен. Так что, будем надеяться, все удастся, и вы преодолеете горизонт.

– Горизонт? – спросил Константин.

– Не обращайтесь внимание, это из физики, вам оно без надобности. Сейчас мы начнем процедуру, и вскоре вам предстоит послужить на благо науки. Родина в вас нуждается, как

бы это пафосно не звучало.

– Получается, я ей уже дважды ей помогу, – усмехнулся Константин. – Первый раз, когда убил тех подонков, почистив генофонд, теперь вот вам. Я думал, вы врач?

– Я академик сразу в нескольких областях, а сейчас приступим.

Почти весь следующий час Воронцову вкалывали какие-то препараты, и с каждым новым уколом мозг все более затуманивался. Следом за уколом к нему подключали какой-то сложный и наверняка дорогой медицинский агрегат, который снимал разные параметры. Под конец процедуры Константин погрузился в состояние, близкое к прострации, мысли в голове почти не ворочались, он перестал видеть, все вокруг было, как в тумане, лишь изредка мелькали черные силуэты. Звуки доносились, словно он находился под водой на глубине пары метров. Затем он услышал:

– Он готов. Везите.

Константин не чувствовал, не видел, не ощущал, он не знал, что с ним делают, да и не думал об этом, просто барахтался в белом киселе, который его окружал. Даже тени исчезли, осталось только плотная густая белизна. Для него не существовало времени, с момента, как он погрузился в состояние прострации, могло пройти несколько минут, а может, часов, или даже дней.

Последнее, что он услышал:

– Увидимся на той стороне.

Резкий рывок, его словно потащило через плотный туман, появился мерзкий гул, давящий на уши, а следом пришла боль, адская боль, будто тело разрывает на куски, каждая мышца, каждая клетка жгла, словно он погружался в концентрированный жидкий огонь. Он кричал, затем хрипел, а потом белый кисель резко исчез, и Воронцов, едва соображающий, увидел... Это было нечто похожее на северное сияние, играя белым, синим, зеленым... Тысячи оттенков. Оно простиралось до бесконечности. Воронцов в этот момент снова начал осознавать себя личностью, сразу понял, впереди тот самый Горизонт, именно так, с большой буквы, и ничего еще не кончилось, неведомая сила несла его к нему, столкновение было неизбежно.

Мгновение, и его впечатало в эту пелену. Если бы мог, Воронцов бы закричал, но он не помнил, как это делается. А потом Горизонт разошелся, пропуская его, и в этот же момент яркая вспышка света лишила его глаз. Мгновенно к Воронцову вернулись чувства, несколько раз моргнув, он стал видеть, плохо, мутно, но стал, ощутил на лице дуновение ветра. А потом началось свободное падение, которое почти тут же закончилось мощным ударом, отозвавшимся металлом, словно Константина приложило о железный подвесной пол. Удар был столь силен, что выбил весь воздух из груди, в глазах плясали звезды и расходились цветные круги, а затем он почувствовал, что скользит. Руки сами по себе начали искать, за чтобы зацепиться, голое тело, словно ему мало бы-

ло удара, царапалось о какие-то швы, но они были настолько тонкими, что пальцы не находили в них опору. Но спустя секунду пальцы левой руки наткнулись на рваный край какой-то дыры, находившийся чуть в стороне от его маршрута, острые куски металла мгновенно впились в ладонь, но Воронцов стиснул зубы и держался. Падение тут же остановилось, а через полминуты и зрение прояснилось, он увидел перед собой желтый листовой металл, гладкий, с небольшими швами, он поднял голову и посмотрел в серое, пасмурное, низкое небо. Вот только картинка была странной, словно вокруг него не слишком густой туман, который притягивал серость, не сказать, что видно хорошо, но приемлемо, вот только чем дальше, тем сильнее сгушался туман, в итоге переходя в самую настоящую тьму.

– Странно это все, – подумал про себя Воронцов и посмотрел, за что сумел ухватиться. Его пальцы вцепились в дыру с вогнутыми внутрь обрывками металла, по запястью текла горячая кровь.

Воронцов завертел головой, и через секунду он понял, куда его занесло, это был купол циклопического здания, возвышающегося над разрушенным, заброшенным, заросшим дикой растительностью городом. Он болтался на высоте, превышающей сотню метров, под ним было метров десять покатого металлического купола, а затем начинался парапет с обломанными перилами, засыпанный грязью и камнями. Но хуже всего была дыра, которая начиналась чуть ли не у него

под ногами, здоровенная, в нее бы он рухнул, если бы пальцы не нащупали более мелкую, чем-то похожую на последствия прилета снаряда.

Первая мысль после того, как он смог затормозить и оглядеться:

– ЖИВ!

Вторая, когда понял, во что вляпался:

– ВСТРЯЛ!

Дыра в золотом куполе у него под ногами была впечатляющей, метров пять в ширину, до ближайшего края не меньше двух, и три в длину. Стоит разжать окровавленные пальцы, и он через мгновение полетит в нутро величественного здания, возвышающегося над всем мертвым городом, который тонул сначала в сгущающейся серости, а потом во тьме. И не факт, что под куполом окажется площадка. Сцепив зубы, Константин подтянулся, отталкиваясь босыми ногами, и осмотрел дырищу, за которую зацепился. Она была размером, чуть меньше метра, с вогнутыми внутрь рваными краями, но это дало возможность перехватиться поудобней, зажав искалеченную руку в кулак. Заглянув внутрь, он увидел, что величественный купол пробит во многих местах, в нескольких тяжелые плиты рухнули вниз вместе с балками, на полу виднелись лужи и грязь. Вообще от купола имелась только половина, остальное обрушилось вниз, так что, можно сказать, ему повезло, остатки располагались над не менее величественным залом, от которого тоже мало что уцелело,

сплошной завал из камня, дерева, железа и стекла. Зал был размером эдак метров восемьдесят в длину и сорок в ширину. А еще Воронцову не понравились несколько десятков черепов, которые он сумел разглядеть среди завалов. Большинство останков валялось возле огромных распахнутых и покалеченных взрывом дверей. Массивные створки были словно выдавлены в зал. С одной стороны то, что черепа, насколько он смог разглядеть с высоты, выглядели обычно, радовало, значит, здесь жили люди, а не разумные прямоходящие ящеры, а вот то, что они все мертвы, не очень. Он внимательно изучил зал, когда-то здесь давали балы, проводили приемы. Домик, над которым его выбросили, явно не простой, на это указывало остатки былой роскоши – лепнина на стенах, позолота, одна люстра, часть которой он наблюдал, была сделана из какого-то серебристого металла, и имела размах шагов в пять, а может, и больше. Часть зала, над которой он завис, уцелела чуть лучше, там он обнаружил массивный разбитый богатый трон, сброшенный с пьедестала. А еще огонь, в зале бушевало пламя, выгорела вся часть с троном, не будь тот каменным, наверняка бы сгорел.

Оценив расстояние до пола, Воронцов только вздохнул, метров двадцать, не меньше. Константин, прекратив разглядывать, что под ним, поднял глаза вверх. Дыр в золотом гигантском куполе хватало, вот только до них было не дотянуться, высота его тоже впечатляла – метров тридцать, и венчал его внушительный шпиль, сейчас, правда, обломанный

и частично согнувшийся. Неслабый такой шпиль – метров пятнадцать, не меньше, за ним же начинался провал. Правая рука потихоньку начала затекать, а вот кровь, сочащаяся из левой, как ни странно, почти остановилась. Воронцов неплохо разбирался в подобных травмах, жизнь научила, поэтому сразу согнул руку в локте, а пальцы сжал в кулак. Разжимать и проверять не хотелось, одно активное действие, и раны снова закровоточат.

Константин посмотрел вниз, пытаясь прикинуть шансы, проскочить огромную дыру под ногами. И выхода он не видел. А если не вниз, а вверх? Задрав голову, мужчина принялся искать возможность подняться, чтобы потом скатиться, обдирая задницу и бедра, по более безопасному участку. В принципе, технически, на высоте пары метров и чуть правее еще одна дыра, размером поменьше, с голову, наверное, рядом с ней еще правее сразу две, и если до них добраться, то он сможет миновать провал. Вот только нужно две руки. Мысленно обматерив академика за то, что он, в чем мать родила, запулили черт знает куда, Константин медленно разжал кулак и, ухватившись скользкой от крови ладонью, резко подтянулся, затем подогнул кое-как правую ногу и, наконец, смог, опершись на колено, рывком разогнуться, выталкивая себя вперед. Через полминуты он уже стоял на вогнутом куске края дыры, хотя «стоять», наверное, неверное слово, он смог лежать на покрытии купола, и до следующей дыры ему с его ростом не хватало еще сантиметров двадцать.

Немного сместившись, чтобы «чудо» не зацепилось за карниз, как в старом анекдоте про Штирлица, он резко оттолкнулся в сторону дыры. Тело, словно пружина, рванулось к следующей дыре, и пальцы уверенно сомкнулись на остром крае. Зашипев от боли, на этот раз досталось правой руке, Воронцов снова подтянулся, здесь уже встать не получалось, только ноги еще покалечит. Перехватившись левой рукой, он кое-как дотянулся до ближайшей из дыр и ухватился за край. Тут повезло, снова металл загнут внутрь, но мокрая от крови ладонь соскользнула, стоило ему перенести на нее вес, и он заскользил вниз, обдирая живот и все самое ценное для мужчины в полном расцвете сил. Он разминулся с краем провала, над которым висел до этого в считанных сантиметрах, повезло, поскольку именно с этой стороны рваный тонкий металл был загнут так погано, что налети на него голой бочиной, его бы распахало он щиколотки до плеча. Выжить с такой раной в мертвом городе нереально, и так руки пострадали. Все это пронеслось в голове, пока он катился вниз. Ноги с силой ударились о крышу смотровой площадки, какой-то мелкий камешек впился в пятку, да так, что на глазах навернулись слезы, но Константин не жаловался. Он справился, и он все еще жив.

– Хер тебе, академик, – громко произнес он, но орать остерегся, не нравилось ему окружение, непростая это была серость, и город этот неспроста мертвый. – Хер тебе, – еще более уверенно, со злобой, вполголоса крикнул Воронцов. – Я

прорвался в другой мир, я выжил, утритесь, суки!

Отлипнув от покато́го купола, он развернулся и, осторожно ступая, направился к парапету со сломанными перилами. Площадка была небольшой – метра три, вид на город открывался великолепный. Вот только сам город выглядел погано – разрушения и заброшенность давили, руины домов, многое выгорело. Воронцов пытался понять, что же тут произошло. Одно точно – все началось именно в том здании, на крыше которого он стоял, какая-то невероятная сила выплеснулась отсюда и, расходясь, словно круги по воде, начала крушить город. Все дома заваливались в противоположенную от дворца сторону, словно костяшки домино.

Прекратив разглядывать город, Константин опустил глаза вниз. Вокруг здания, на котором он находился, был разбит парк, теперь заросший, он превратился в самый настоящий лес, но каменные дорожки еще можно разглядеть. Вот только выглядел этот лес крайне плохо, деревья явно болели, возможно, подверглись какому-то заражению. Они были кривыми, словно безумный друид специально их корежил, стволы и листья багрового цвета, а в густых кронах иногда мелькали какие-то тени. Кусок этой измененной флоры был не маленьким – метров четырехста, за ним высокая кованая ограда, которая отделяла дворец правителя (а что еще могло быть?) от остального города. Вокруг ограды располагалось очень широкая улица, шагов сто шириной, скорее, это была даже площадь, в центре которой находился парк и осталь-

ные строения дворцового комплекса. На другой стороне площади возвышалось еще одно большое здание, которое чудом устояло, и было одним из немногих выглядевших относительно целыми. Оно тоже купольное, наверное, можно его считать вторым по величине в городе, этажей восемь. Когда-то белое, теперь оно закопченное, с выбитыми окнами, покрытое каким-то густым выюном, но уже обычным, не багровым, а вполне себе зеленым. Большое здание, если бы Константин был туристом, то он бы предположил, что это сенат, парламент или нечто, приближенное к ним. Вообще, вокруг дворца располагались либо богатые красивые особняки, причем многие имели собственные парковые зоны, в центре города это было наверняка очень дорого, либо министерства, во всяком случае, они не походили на частные строения. От многих остались только остовы, некоторые лежали грудями белого мрамора.

Больше всего незнакомый город напоминал старый Петербург. За богатым кварталом шли дома попроще, но все равно довольно престижные. С высоты была отлично видна широкая река, запертая в гранитные берега. Хотя все и было в серой дымке, но Константин к ней адаптировался, и теперь видел гораздо дальше, чем в первые минуты своего прибытия. Река делила город напополам, красивая набережная с другой стороны была уже беднее, похоже, этот берег принадлежал аристократии и зажиточным торговцам или, как их тут звали, купцам? Противоположный – простому люду. Хотя, что

значит, простому? Если это столица, то жить в ней все равно довольно дорого, окраины наверняка – та еще нищета. Но с крыши дворца их не разглядеть, все, что дальше километра, тонуло в сгустившейся тьме.

Надо сказать, что город впечатлял, жаль, целиком его обозреть не получалось. Константин обошел купол, насколько это было возможно, вернувшись на прежнее место, лучшей площадки для наблюдения сложно было сыскать. Внимательно осмотрев окружающую дворец местность, он не нашел следы боев. Черт его знает, что тут случилось? Может, аналог ядерной бомбы скинули на дворец, может, еще какая хрень, но точно что-то произошло внутри, а потом как-то выплеснулось наружу. Одно ясно – все это произошло очень давно. Если бы академик, который его сюда закинул, спросил, сколько? Воронцов бы пожал плечами и наугад ляпнул: «Лет сто, наверное». Загадка – почему город не восстановился, куда делись люди, его беспокоила гораздо больше. Если он прав, это столица, то почему ее оставили? Ладно, оставили ее сто лет назад, но почему не вернулись, ведь не единственный же это город на континенте? Больше всего Константин жалел, что у него нет бинокля.

– А город не такой уж и мертвый, – пробормотал он про себя, глядя, как над городом кружат птицы или что-то похожее на них.

Рассмотреть в серой дымке их нормально не получалось. Он обратил свой взгляд на руины, вдалеке что-то быстрое

пересекло небольшую улицу и скрылось в разрушенном доме.

– Слишком быстрое, – произнес вслух Воронцов. – А я голый, стою на крыше, ни одежды, ни оружия, ни информации. Блин, ну вот как так попасть-то умудрился?

Никто не ответил, да и кому отвечать-то? Да и вопрос-то, в принципе, риторический.

– Эй, академик, – задрав голову к небу, громко произнес Константин, – я все же добрался в другой мир. Думаю, вы в курсе, если меня не размазало по вашему коридору. Надеюсь, ваши уборщики рады, что им не нужно счищать мои останки. Не знаю, чего добились вы, но я в выигрыше, я жив, а вы идите на хер!

Поняв, что повторяется, и он это уже говорил, Константин махнул рукой и решил, что торчать на верхотуре, не самая лучшая идея. Пора спускаться, вот только это было не тривиальной задачей. Дворцовый комплекс пострадал очень сильно. Аккуратно осмотрев уцелевшее, Воронцов огорченно вздохнул. Фактически устояла только часть фасада и кусок крыши, все остальное под ним сплошной завал, спуститься по которому без снаряжения, голышом – верная возможность покалечится. Единственный шанс – это пройти по краю обвалившийся крыши и спуститься через небольшую надстройку, надеясь, что там, под чудом уцелевшей крышей, найдется пол и возможность попасть в хоть как-то устоявшую часть дворца.

Приняв решение, Воронцов пошел в сторону чудом уцелевшей лестницы, которая вела на крышу другой части дворца. Та была вполне удобной – металлическая, с ржавыми клепками, но на вид вроде крепкая, несмотря на то, что кое-где ее довольно активно подточила ржавчина. Вот только все остальное здание было в плачевном состоянии и могло обрушиться в любой момент, но Константин старался об этом не думать. Наступив на верхнюю площадку одной ногой, он несколько секунд прислушивался к звукам, которые издавал металл. Тот не заскрипел и не шатался, и Константин перенес свой вес полностью на ступеньку, падать еще раз с пятиметровой высоты ему не хотелось, поэтому он выждал еще пару секунд. Но ничего не произошло, и он принялся спускаться, аккуратно проверяя каждую из них.

Крыша второго яруса дворца, как для себя обозвал перепад Воронцов, тоже была из железа, покатая, но не слишком. Он оказался на небольшой площадке, метра три четыре в ширину, рядом стояла что-то вроде будки с дверным проемом, дверь была на месте, и слегка приоткрыта, петли массивные, ржавые, дверь обита железом, тяжелая и толстая.

Константин неспешно потянул ее на себя, скрип несмазанных ржавых петель резанул по ушам. Мужчина замер, глядя в черный провал чердака. Вроде повезло, и эта часть почти не пострадала. Никто на него оттуда не бросился. Постояв с минуту, он заглянул внутрь. Темень не сказать, что непроглядная, но серость никуда не исчезла, толь-

ко стала гораздо гуще, из чердачных окошек внутрь попадал тусклый свет, дыр в уцелевшей части крыши тоже хватало, так что, он довольно быстро привык к подобному освещению. Сделав шаг вперед, Константин спустился по маленькой лестнице всего в пять каменных ступеней. Надо сказать, чердак не был чердаком в полном своем представлении, это можно было назвать полноценным этажом – чисто, стропила упрятаны под какие-то листы, похоже, деревянные, вроде фанеры, сейчас они разбухли от влаги, отовсюду торчали ржавые гвозди. Это слева, а вот справа была обвалившаяся часть, там все держалось на соплях, и приближаться к ней не рекомендовалось. Рядом с лестницей обнаружилась каморка, запертая на висячий замок. Ломиться туда Воронцов не спешил. Смысл? Скорее всего, там какой-то технический инструмент. Больше всего его заинтересовал труп, лежащий под одним из чердачных окон, скелет, обряженный в остатки какого-то мундира.

Константин не спеша направился к нему, внимательно глядя под ноги, за годы без присмотра людей, прохудившаяся крыша не способствовала долговечности здания. Очень бы не хотелось ухнуть в какой-нибудь провал, который внезапно образуется под его весом. Не сказать, что бывший детектив был тяжеловесом, при росте метр восемьдесят три он весил всего семьдесят девять килограмм. Но этому старому, разрушенному зданию хватит и такого. Но все же, оказалось, местные строить умели, пол хоть немного и поскрипывал, но

держал.

Добравшись до скелета, Воронцов присел рядом. Он не ошибся, покойник и вправду был очень старым, много лет он лежал здесь. С причиной смерти неясно, никаких видимых повреждений видно не было. Рядом валялась сгнившая фуражка, от которой хорошо сохранился только плотный лакированный кожаный козырек. Его никто не трогал, одежда еще держалась, странно, что не сгнила, она напоминала френч, вот только при прикосновении начала расползаться. Если пофантазировать, то когда-то она была черного или темно-синего цвета, плотная и довольно теплая, на плечах что-то вроде эполетов. Брюки напоминали галифе с лампасами.

Воронцов, не брезгуя, обшарил карманы. На свет появился ржавый револьвер, настолько ржавый, что даже с хорошей мастерской с ним вряд ли можно было что-то сделать, и не менее ржавые патроны. В покореженном временем подсумке на прочном кожаном ремне обнаружились винтовочные патроны, сама винтовка в таком же плачевном состоянии валялась рядом. О том, чтобы использовать ее по назначению, и речи ни шло. А вот серебряные карманные часы выглядели неплохо, только Константину некуда их было убрать, хотя хотелось иметь что-то кроме наготы. Похоже, этот покойник был из охраны дворца, наверное, в его задачу входила борьба с вражескими снайперами, которые могли использовать крышу «сената» или «парламента» для вероят-

ного обстрела комплекса. Но больше всего Воронцова заинтересовал патрон. Подняв потемневший от времени латунный цилиндр, он внимательно его осмотрел. Буквы на донышке были вполне себе знакомыми, как и цифры. Неужели это одно из отражений Земли? Правда, что обозначает «Л.К.П.З.02», Константин не знал, он никогда особо не интересовался оружием, хотя имел разрешение на ношение Макарова, а в армии с карабином Симонова и АК74 и однажды разбирал карабин Мосина, и даже стрелял из него на охоте. Вот что там творилось в оружейном деле царской России, было для него загадкой, знал, конечно, он и про Наганы, Маузеры, Лебели, винтовки Бердана и пулеметы Максима и Гатлинга. Но знания на названиях и заканчивались, опыта практического использования подобных раритетов он не имел.

За спиной со стороны обвала заскрипели доски, и Константин решил, что сидеть у трупа не стоит, а нужно двигаться дальше, здесь он ничего полезного точно не найдет. Поднявшись, он, осторожно ступая, не хватало еще провалиться в сгнивший пол, прошел оставшиеся полсотни метров по чердаку. В двух местах пришлось перелезть через обвалившиеся стропила и потом зубами вытаскивать многочисленные занозы, но больше ничего интересного не нашел.

Спуск обнаружился в самом конце – железная лестница вела вниз. Она пострадала сильнее, железо было покорежено, в конце обрушившееся перекрытие частично загражи-

вало вход, но пройти реально, главное, чтобы там, на другой стороне, была возможность покинуть здание. Воронцов обреченно вздохнул и, внимательно глядя под ноги, продолжил спуск. Миновав завал, он оказался в тупике широкого и очень длинного коридора, трещины в стенах, камни на полу, обломки перекрытий, но пройти реально, ему повезло, он оказался в наименее пострадавшей части дворца.

Глава вторая

Константин внимательно осмотрел коридор. Слева и справа двери, большие, шикарные. Он затруднялся сказать, что было в этой части дворца, но аналогия напрашивалась сама собой – общежитие. Дверей было два десятка, но, открыв первую по правую руку, понял, что, в принципе, если он и сможет что-то найти, то только с левой стороны, поскольку через два метра за порогом ничего – два этажа сложились, и теперь представляли из себя груды обломков. Вообще странный это был коридор, трупы здесь встречались гораздо чаще, и все они без следов насильственной смерти, словно люди умирали там же, где стояли. Женщина в богатом платье, превратившемся в грязные тряпки, украшения отсутствуют, хотя с этим пышным платьем они должны были быть непременно. Офицер с вывернутыми карманами и отрезанным пальцем, кость валяется рядом, вероятно, снимали перстень или кольцо. Кто-то явно навестил дворец уже после произошедшей с городом катастрофы и выгреб все ценное. Ни оружия, ни одежды, ничего путного Константин так и не смог найти, ходил голышом, изредка зябко ежась. И вообще, серость вокруг была какой-то странной, она выглядела, как туман, но по сути им не являлась. Неуютно было в нем, что-то чужеродное, мельтешащее, словно пыль на солнечном свете, стоило расфокусировать взгляд, она прибли-

жалась, стоило сосредоточиться – и эта пыль, словно живая, разлеталась прочь. Воронцов периферийным зрением словил сгущающиеся черные тени, но стоило повернуть голову, как тьма, словно спасаясь от его взгляда, бросалась прочь.

Новый труп – мужчина в костюме, что-то вроде тройки или фрака, точно по сгнившим тряпкам сказать нельзя. Он лежал у стены, которую активно пожирала черная плесень, расползаясь по портьерам и белым колоннам, уничтожая то, что еще осталось от великолепного дворца. И снова следы мародерства – все ценное с трупа сняли. Вот здесь уже было что-то странное. Воронцов присел рядом с телом, на груди три отчетливые дыры, в этого человека явно стреляли, пол в бурых пятнах крови. Не все умерли сразу, этот человек был убит иначе.

Поднявшись, Константин тронулся дальше, обшаривая комнату за комнатой. Дважды он находил винтовки, но все они были искорежены до такой степени, что пользоваться ими было невозможно. Добыча в виде в пяти винтовочных патронов, извлеченных с большим трудом из магазинов, выглядела бледно. Их хозяева валялись здесь же, вот только, судя по останкам, складывалось такое ощущение, что их растерзали – одежда разорвана и валялась клочьями по всему коридору, бурые кровавые пятна занимали приличную площадь, кости переломаны. У одного отсутствовала рука, череп другого валялся метрах в трех возле небольшой ниши, в которой стояла какая-то разбитая ваза. Воронцов не мог

понять, что же тут случилось. Некоторые трупы были хоть и ограблены, но абсолютно целы, просто лежали, и все, другие с кем-то сражались, и были в непотребном виде. Картинка не складывалась.

Изрезанные ладони и пальцы болели, но перестали кровоточить. В одной из комнат нашлась простыня, с помощью осколка стекла, мужчина сделал себе обмотки для ног, не хватало еще их изрезать, и хламиду. Сейчас он напоминал себе приведение, ну хоть наготу прикрыл. Обрезков хватило на бинты, правда, теперь делать что-то руками стало гораздо сложнее. А еще очень хотелось есть, но Воронцов прекрасно понимал, что в мертвом городе найти еду нереально, если, конечно, не убить ее самому. Вот только с вероятностью в девяносто процентов живность тут далеко не безобидная, и как бы самому не стать главным блюдом на обеде. Откуда он это знал? Да черт его знает, но был уверен, что противники гораздо сильнее его. Хорошо хоть с водой проблем нет. Ну как с водой? Он нашел две бутылки красного сухого вина с названием «Черноморский букет». Как ни странно, серебряный штопор обнаружился под упавшей тяжелой портьерой, наверное, его сбросили со столика, когда его перевернули, а потом сорвали портьеру. Перебравшись в соседнюю комнату, в которой почище, Воронцов вскрыл одну из бутылок, приняухался, пахло вином. Он где-то слышал, что после долгого хранения, оно переходит в уксус, но в этот раз вроде повезло. Сделав два глотка и прополоскав рот, он все же

решился проглотить, вино было хорошее, а теперь, сто лет спустя (или сколько там прошло?), наверное, и безумно дорогое. Сомнительно, что, если аборигены выжили, они продолжают делать хорошие качественные напитки. Делать вино – это искусство. Но все же лучше найти воды. Сделав еще несколько глотков, Воронцов осмотрел комнату, в которую перешел. Здесь разгром был минимален, трупов нет, кровать разворошенная, но вполне целая, мебель хоть и перевернули, но не крушили. Шкаф, плотно закрыт. Воронцов ради интереса решил заглянуть внутрь. Может, повезет? Ему уже пару раз попадались костюмы и мундиры, оставшиеся в гардеробе, но моль уничтожила их безвозвратно. Раньше ткани были натуральными и вкусными для насекомых, никакой химии. Распахнув шкаф, Константин почувствовал запах каких-то цветов. Странно, а ведь должен был выветриться. И запах знакомый – лаванда. Сушеные веточки разбросаны по всему шкафу. Закрыт он был плотно, может, это еще помогло. Константин смотрел на разбросанные вещи, их сорвали с вешалок, но, видимо, тех кто обыскивал дворец они не заинтересовали, и их бросили.

Собрав все в кучу, мужчина перенес добычу на кровать. Ему, в отличие от мародеров, которые выгребли все ценное после катастрофы или, может быть, даже во время нее, кривляться было не с руки, поскольку он ходил в простыне с тремя дырками. Первой добычей стали кальсоны – обычные, белые, из хлопка, с завязками, только на размер больше того,

что носил Константин, но две веревочки в поясе эту проблему решили. Натянув подштанники, Воронцов почувствовал себя почти счастливым, у него появилась хоть какая-то нормальная одежда, и даже не с трупа. Следом обнаружилась рубаха, и теперь попаданец поневоле стал обладателем комплекта нательного белья. Пахнущий лавандой сюртук оказался узок в плечах, рубаха была свободней, а вот мундиршили, видимо, точно по мерке, Константин все же попытался его натянуть, но тот начал трещать по швам, и он отказался от этой затеи, хотя материал был плотным и довольно теплым. Штаны темно-синего цвета, обычные, прямые с красными лампасами сели хорошо. Вот кожаному ремню не повезло, разохся, пришлось отрезать от простыни тонкую полоску и использовать вместо пояса. Ни обуви, ни головного убора, в шкафу не обнаружилось, зато нашлись отличные портянки, которые он прихватил, в надежде разжиться приличными сапогами или ботинками. Обувь – это большой вопрос, штаны и рубаху, даже самую примитивную, можно сшить из обрезков простыни, был бы инструмент, а вот обувь сам себе не сделаешь. Но начало радовало. Пусть уставший, пусть голодный, с израненными руками, но у него есть нательная рубаха и штаны. Сделав из простыни подобие вещмешка, он запихнул внутрь бутылки с вином, предварительно сделав пару глотков, и отправился искать спуск вниз. Сейчас он находился на третьем этаже какого-то жилого крыла, может, здесь обитали слуги и прочие фрейлины, хотя со-

мнительно, каждая комната – шикарные апартаменты, внутри которых еще три-четыре помещения с ванными, гардеробными. Вот только все размародерили, кто-то все же сюда наведалься. Скорее всего, тут обитали какие-то приближенные местного правителя.

Больше всего Константина беспокоило, почему люди не вернулись. Он обшаривал комнату за комнатой в жилой части дворца. Наконец, повезло, нашлись сапоги, а следом и побитый молю френч темно-синего цвета с золотыми эполетами, которые он тут же оторвал. Пиджачок был вполне себе ничего, крепкий. Намотав портянки и обувшись, Воронцов почувствовал себя уверенней, а когда еще и мундир натянул, то стало вообще хорошо, вот только все сильнее хотелось есть и пить. Вино – штука хорошая, но жажду им утолять тяжело. Еда в мертвом городе, который люди оставили давным-давно, жизненно важный вопрос, тут не найти консервов, тут не найти овощей. Разве что одичавший фруктовый сад подвернется.

Больше никаких трофеев в уцелевших разгромленных комнатах, Константин так и не нашел. Зато нашел лестницу, ведущую на первый этаж. Ей досталось. Обвалившееся перекрытие и часть крыши ее конкретно завалили, пришлось карабкаться по обломкам, чтобы спуститься вниз. Столько мату этот дворец, наверное, еще не слышал. Константин подбадривал себя ненормативной лексикой, как мог. Больше всего досталось академику, который его сюда засунул. Пару раз

крупные камни вылетали из-под ног, и он только чудом сохранял равновесие, чтобы не загреметь с десятиметрового завала. Один раз нога провалилась и намертво застряла. Качнись он чуть вперед, и гарантированно получил бы перелом, так что, пришлось повозиться, чтобы ее разблокировать. Наконец, завал остался позади, и Воронцов, вытерев пот со лба, вступил на вполне себе приличную и относительно целую мраморную лестницу. Обернувшись, бывший детектив посмотрел на препятствие, которое только что преодолел.

– Е...л я ваш бл...ский цирк, – выдал он вслух и, выудив початую бутылку вина, сделал пару крупных глотков.

Его сапоги гулко бухали по ступеням. Он вышел в холл дворца. Огромная мраморная лестница, покрытая красной ковровой дорожкой, куски потолка, от мелкого щебня до размера автомобиля, усеивали пол. Скелетов тут хватало, несколько десятков человек, наверное, даже больше, он не считал, но кто-то старательно обобрал их, не оставив Воронцову ничего ценного. Именно в этой точке здание пострадало не слишком сильно. То, что эта лестница ведет в сторону разрушенного тронного зала, не было никаких сомнений, вот только ему туда не нужно, пока не нужно. Поэтому, перехватив поудобнее единственное свое оружие – железный прут с острым краем, Константин направился к огромному арочному проему, ведущему из дворца. Хотело вдохнуть свежего воздуха и посмотреть центральный выход в город. Очень хотелось пить, на зубах скрипела каменная крошка.

Он набрал в рот вина, прополоскал и выплюнул, потом сделал еще один глоток. В бутылке осталась половина. Вино вообще штука коварная, а тут еще на пустой желудок, так что, он ощутил небольшой хмель, нужно искать воду, и в темпе. Он посмотрел на чудом уцелевшее зеркало, старое, мутное, но разглядеть себя можно. Рожа грязная, пыльная, и в двух местах расцарапана о камни, трофейный френч, словно с помойки, хоть и крепкая ткань, но рукав порван после его альпинистских упражнений, сапоги в белой пыли. Руки пострадали меньше, поскольку были обмотаны кусками простыни. Только теперь это были грязные тряпки, прорванные в разных местах. Так что, план у Воронцова был простым – найти воду, еду, если такое вообще возможно, оружие и место, где он сможет хоть немного отдохнуть, слишком много навалилось на мужика за последние часы.

Воду Константин обнаружил почти сразу, как только прошел через распахнутые огромные двери. Прямо перед входом стояла чаша огромного фонтана, метров двадцать в диаметре. Да, сейчас он, конечно, не работал, но дожди исправно наполняли ее. Конечно, туда нанесло грязи и листвы, но, если аккуратно, то удастся напиться и набрать воды. Вероятность того, что он потом будет дристать дальше, чем видит, была почти стопроцентной, хотя, может, и повезет, желудок у Константина мог «гвозди» переваривать. Но нужно было рисковать, вином, можно напиться, а не утолить жажду, да и шататься под шафе по этим руинам – верный приговор.

Вода была немного мутноватой и пахла прелой листвой. Воронцов очень аккуратно разогнал растительность. Достав пол-литровую флягу, отделанную серебром (нашлась она случайно, под рваной, грязной от дождей, оборванной занавеской в одной из комнат, явно делали на заказ для кого-то офицера, видно, что не уставная), он аккуратно опустил ее в воду, предварительно натянув на горлышко кусок простыни, хоть какая-то фильтрация. Быстро наполнив, он добавил грамм сто вина, используя его как обеззараживающее, и только потом сделал первый глоток, утолив жажду. Правда, пришлось повторять процедуру, поскольку фляга опустела. Появилось ощущение наполненности желудка, вот только это обманка, жрать все равно скоро захочется, и захочется по-настоящему.

Повесив флягу через плечо, Константин взбежал по ступеням. Осматривая холл, он заметил в одном из боковых, наполовину разрушенных коридоров, крохотную дверь, ведущую в помещение для слуг. Там были разные швабры, ведра, все разбросано, но мародеров подобная добыча не интересовала. Схватив ведро, он вернулся к фонтану. Оглядевшись и не обнаружив ни опасности, ни любопытных вуайеристов, он разделся догола, наполнил таз водой и принялся умыться. Бинты на ладонях промокли, но это не важно, все равно менять, да и раны надо промыть. Стянув мокрые тряпки, он озадаченно уставился на израненные ладони. Порезы, достаточно глубокие, почти закрылись, и выглядели так, как будто

им не шесть часов, а минимум три дня. Если так и дальше пойдет, то к ночи вообще затянутся.

— Ну, академик, удружил, — произнес Воронцов вслух. — Что же ты со мной такого делал, что у меня регенерация, на которую я, в принципе, не жаловался, теперь работает в сотню раз эффективней? Уж не поэтому ли так хочется жрать?

Ведь регенерация не берется из неоткуда, она результат ускорения процессов организма, который академик, так и оставшийся безымянным, подстегнул своими уколами. А может, это результат переноса? Черт, да плевать, главное — что руки целы. А пищу он найдет, на худой конец крысы сгодятся. Ведь должны же быть тут крысы? И тут до Константина дошло, за все часы блужданий по дворцу, он не видел ничего живого — ни паутины, которая даже в обычных домах по углам — привычный антураж, ни помета мышей, которые за время запустения должны были сгрызть все, до чего дотянулись бы их зубы, ни птичьих гнезд на чердаке и под половиной уцелевшего купола. Мысль о том, что живность очень не любит место, где он оказался, напрягала. Скосив взгляд, он посмотрел на кусок не слишком увесистой железки. Оружие аховое, если кого и можно грохнуть, то сильно постаравшись. Да и чутье, проснувшись, говорило, что нужно сваливать из дворцового комплекса.

Вот только идти в разрушенный город, где он видел всякую живность без надежного оружия, да еще на ночь глядя, — верный приговор. А судя по тому, что свет стал более туск-

лым, время тьмы не за горами, и если днем, еще куда не шло, то ночью блуждание в руинах станет смертельно опасным. Дворец прилично пострадал, но в нем есть пара уцелевших комнат, да даже та каморка с ведрами могла послужить вполне приличным убежищем. Но еще с крыши Воронцов заметил стоящий чуть в стороне комплекс зданий из трех домов в два этажа. Ему, конечно, тоже досталось – окна выбиты, двери сорваны с петель, у одного просела крыша, у второго обвалилась стена. А вот третий, что располагался дальше всех, с виду был самым целым.

Соваться в тронный зал Константин не стал, чего ему там делать? Как там, в анекдоте? «Правильно, мам, нечего тебе по руинам лазить»... Вот и Константин решил направиться в более перспективное место. Вот только была проблема – справа и слева от центрального входа раскинулся тот самый «черный» парк с искореженными деревьями, и чуйка буквально орала, что заходить туда не стоит, и даже подходить к нему смертельно опасно. Причем парк этот настолько разросся, что подступал к дворцу вплотную, по стеночке не проскочить. Сейчас до него метров семьдесят, но даже на таком расстоянии Константина бросало в холодный пот. А еще последние минут десять он чувствовал из этих непроходимых зарослей чужой взгляд, плохой это был взгляд, пристальный, голодный.

Воронцов развернулся и отправился обратно во дворец. Что ж, если нельзя пройти здесь, придется пройти по руи-

нам.

Не подняться по центральной лестнице Воронцов не мог, любопытство просто уговаривало его потратить еще максимум полчаса, чтобы пройтись по палатам местного хозяина. И он согласился. Если впереди завал, то он просто развернется и уйдет, но, может, повезет, и он найдет что-то полезное и интересное.

Поднявшись по лестнице, он обнаружил очередных покойников, с полсотни скелетов и мумий. Кто-то неплохо пошарил по их карманам, даже пуговицы срезали. На многих, что-то напоминающее мундиры. Воронцов потратил пять минут, переходя от тела к телу и внимательно осматривая покойников. У половины не видно никаких следов насильственной смерти, другие же, наоборот, разорваны в клочья. Судя по положению тел, все они бежали из тронного зала, а потом некоторые умерли, некоторые набросились на других или на тела. Воронцов сунул руку в карман и с сожалением вытащил ее пустой, сигарет у него не было, а курить хотелось. Место на него давило, с каждой минутой давление становилось все интенсивнее, он все сильнее ощущал беспокойство, и во дворце оно усилилось в разы по сравнению с тем, что было на улице. Еще раз, обреченно вздохнув, он посмотрел на остатки широкого коридора, ведущего в тронный зал, всего уцелело метров пятнадцать, две двери, справа и слева, друг напротив друга, дальше обрушился потолок и крыша, чтобы пробиться пришлось бы пару дней разбирать завал с

помощью тяжелой техники. Не тратя время, он подошел к двери с левой стороны и заглянул внутрь.

– Не повезло, – раздосадовано произнес он, глядя на кучу обломков, которые начинались прямо за порогом. Может, справа выгорит?

Он повернулся и направился к апартаментам напротив, вот тут его ждало разочарование, взявшись за массивную бронзовую ручку, он нажал вниз и потянул ее на себя, но дверь не шелохнулась. Воронцов пару секунд смотрел на дверь, прикидывая, стоит ли возиться, замок, конечно, плевыый, но он сломан. С одной стороны, если комната заперта и не пострадала, то явно не разграблена, с другой – это может быть банальная комната для ожидания посетителей перед приемом, и ничего кроме пары диванов там нет.

– Пять минут, – произнес он вслух, всаживая в щель возле замка железяку и налегая всем телом. – Если за это время не вскрыю, валим вниз и прочь из дворца.

Скрип, треск, новая попытка, еще одна, и еще, все же прут не фомка. Наконец, скрипнув, дверь распахнулась, Константин отбросил искореженный погнутый прут, задача была выполнена, он справился за три минуты.

– Это я удачно зашел, – провозгласил бывший детектив, глядя на совершенно непострадавшую комнату, если не считать, конечно, выбитых стекол и огромной трещины, толщиной в руку, которая перечеркнула стену дальнюю стену. Почему мародеры не стали возиться с дверью, осталось для Во-

ронцова загадкой, но это было ему на руку, поскольку рядом с массивным столом валялся труп в синем мундире с эполетами и аксельбантом. Это был не скелет, а полноценная мумия, даже одежда более-менее цела, но сейчас она не интересовала бедового попадана, а вот оружие... Да, оружие было, револьвер, который труп офицера сжимал в руке, зацепленный ремешком к кожаной кобуре. От нее ничего не осталось, время не пощадило, а вот сам ствол цел, только, чтобы выстрелить из него, пришлось бы очень сильно повозиться, ржа поработало над ним основательно. Видимо, когда случилась катастрофа, мужчина работал с документами за массивным письменным столом, вскочил, вытащил оружие и рванулся к двери, после чего внезапно умер. Никаких ран на теле Константина не обнаружил. Поскольку мародеры до тела не добрались, то добычей Воронцова стали пять монет, по цвету и весу из почти чистого золота, с римской цифрой десять на аверсе и львом с посохом реверсе, восемь потемневших от времени и погоды латунных патронов к револьверу с тупоголовой пулей, пачка банкнот размером с четверть листа формата А4. Они вымокли и сгнили, слежавшись в плотную массу, но ближе к центру удалось найти более-менее сохранившуюся – уже привычный лев с посохом, рядом портрет мужика со строгим лицом, щегольскими усиками. Подпись, в принципе, все прояснила: «Сиятельный князь Артемий III», и дальше – «Двадцать пять кун».

– Интересно, это много или мало? – спросил сам себя Во-

ронцов, но вопрос вышел скорее риторическим. Кому нужны деньги, которым больше ста лет? А вот золото прибрал, добавив два потемневших от времени перстня с пальцев покойника.

Еще одной интересной вещицей оказалась золотой медальон на шее трупа, он был выполнен в виде какого-то славянского символа, с множеством переплетений различных линий с желтым полупрозрачным камнем внутри, символ того, что на Земле называется древним язычеством. Здесь, похоже, не было никакого христианства, поскольку всякие старинные знаки, вроде коловрата, Константин наблюдал везде – в орнаментах на драпировке стен, занавесках, скатертях, вырезанных на дверях, и в мозаичных окнах. Похоже, Российская империя сохранила веру древних славян.

Все находки отправились в рюкзак из простыни. Из оружия Константин стал обладателем офицерского кортика в ножнах. Рукоять с украшениями, красивой чеканкой по потемневшему металлу, отделана золотом и серебром, на головке крупный рубин, на ножнах красивый орнамент с гербом государства. Здесь, в отличие от царской России, это лев, вставший на задние лапы, и сжимающий в руках посох с каким-то странным навершием. Кстати, на ножнах в это навершие был вставлен изумруд размером с ноготь мизинца. Кортик немного с трудом покинул ножны, все же долго он пролежал в этой запертой комнате. Лезвие обоюдоострое, длиной в двадцать сантиметров, заточка безупречная. Сталь,

с волнистым узором, очень похожа на дамасскую, или то, что за нее выдавали различные частные мастерские. Воронцов взвесил оружие в руке, потом пару раз махнул, перехватил. Для человека, шатающегося по руинам дворца с железным прутom, который после взлома двери на оружие уже не тянул, это прогресс.

Поднявшись, Константин бросил взгляд за окно и озабочено поджал губы, снаружи быстро сгущалась серость, становилось все темнее, и это очень напрягало. Час, максимум два, и вокруг будет полная тьма, и она его страшила, серость стала активней, бывший детектив рассматривал ее, как живое существо, которое уже не исчезало, а собиралось в темных углах, следя за ним.

Нужно быстро изучить этот кабинет и валить отсюда, в темпе вальса. Электричество, или какое-то другое освещение, этот мир знал, весь дворец был электрифицирован, он уже не раз видел светильники, в которых до сих пор стояли лампы, массивные, но вполне себе способные давать свет. Хотя, может, они были не электрические, а магические, ведь никакой проводки он так и не обнаружил. Очень странно, что мародеры не утащили их, или для них они ничего не стоили, своих хватало? На столе как раз стояла одна такая, напоминающая по форме керосинку из старых фильмов, только более изящная, маленький поворотный выключатель-подставка из железа, отделанная серебром, большой стеклянный вытянутый стакан с железной ручкой сверху для удобной пе-

реноски. Константин подошел и ради интереса повернул выключатель. И о чудо! Лампа мгновенно засияла ровным желтым светом.

– Это я удачно зашел, – произнес он, выключая светильник и записывая его в торбу из простыни.

На осмотр кабинета ушел почти час. Константин быстро проглядывал бумаги, которые лежали на полу и в столе. Из двух первых документов, которые, к счастью, были написаны почти привычной ему кириллицей, он узнал титул и имя местного правителя. – Сиятельный Князь Артемий III, а если полностью Рюрикович Артемий Павлович. Это наводило на мысли, что миров много, все они параллельны и развивались почти одинаково до определенного момента, где история сворачивала от той, к которой привык Воронцов. А еще он нашел карту мира, та была свернута в трубочку и лежала в плотном кожаном тубусе, не слишком большая, но понять, что, да как можно. Местная география сильно отличалась от привычной ему Земли. Здесь отсутствовала Австралия. Так же не было северной Америки. Африка слилась воедино с Евразией и оказалась на месте Индии. Южная Америка расположилась чуть ближе к Европе и была крупнее, чем северная и южная вместе взятые, а еще она напоминала огромный армейский ботинок, назывался он просто – Новый Свет. Крупные острова на месте Японии значились, как Империя Даиров. Сама Евразия претерпела серьезные изменения – она стала уже. Если от Калининграда до Владиво-

стока в мире Константина семь с половиной тысяч километров по прямой, то здесь весь континент примерно столько. На западе вместо кучи европейских государств располагался Великий Латинянский Союз. Он занимал примерно все пространство, что было Европой на старушке Земле, включая несколько крупных островов и даже чуть больше, если смотреть по территории России, оставшейся в том, другом, мире. Константин напряг память, получается, что Латиняне присоединили к себе Украину и Белоруссию, а так же Псков, Смоленск, Брянск. Но зато Росская империя, в которой он и оказался, со столицей в Великом Новгороде, отжала себе все снизу континента. Не было никакого Кавказа, Монголий и всей другой центральной Азии, никого Китая, все это земли под рукой Сиятельного Князя. Снизу она граничила только с Царством Куш, которое занимало всю Африку.

Воронцов залип перед этой шикарной картой минут на двадцать, силясь найти хоть какие-то знакомые название или привычные ориентиры. Столица находилась гораздо восточнее места, где в его мире располагалась Москва. Прикинув координаты, он понял, что сейчас примерно Уфа или Челябинск. Отлипнув от карты и глянув на сгущающуюся за окном серость и ползающую за ней тьму, которая теперь была гораздо ближе, и ее присутствие чувствовалось все ярче, а еще становилось холоднее. Решив прихватить тубус с собой, Константин быстро осмотрел шкаф, и тут снова повезло, в отдельной секции стояла винтовка. Ей досталось от време-

ни, но она была полностью целой, только немного тронутой ржавчиной, даже трехгранный штык имелся, который насажен острием вниз и уходил в специальную выемку в ложе. Рядом на полке пять пачек патронов. Чего тут не было, так набора для чистки и масла, но Константин рассчитывал найти это в казармах караульной роты. Он надеялся, что те три строения, в которые он направлялся, ими и окажутся. А значит, помимо штыка и кортика у него появится вполне рабочее огнестрельное оружие.

Остальной обыск не занял много времени, больше ничего интересного ни в столе, ни в остальных шкафах не обнаружилось. Серость за окном сгущалась, становилось все темнее, времени оставалось очень мало. Константин даже на секунду подумал остаться в этой комнате, но дворец его пугал, нужно уходить. Спустившись по огромной мраморной лестнице, он обогнул ее и углубился в один из коридоров. Сразу стало темно, никаких окон тут не было, поэтому на свет из его торбы появилась лампа. Коридорчик тут же залило ровным светом, и продвижение вглубь первого уровня дворца продолжилось. Изредка под ноги попадались небольшие камешки. По правую руку от него был тронный зал дворца, по левую то самое крыло, которое он обшаривал на протяжении нескольких часов. Где находится кухня, и где располагалась прислуга, Воронцов не представлял, хотя кухня, наверняка, в подвале, он бы так сделал, там же, скорее всего склады и прачечные. Если допустить, что пол за завалом второго

уровня в правом крыле выдержал, значит, сейчас он сможет спокойно пройти через остатки дворца насквозь. И ведь угадал. Толкнув дверь, Воронцов оказался в темном коридоре. Благодаря трещинам в потолке тьма здесь была не абсолютной. Кроме того из двух открытых дверей пробивался тусклый местный серый свет. Свет лампы гарантировано освещал метров пять, поэтому очередные трупы Константин разглядел без проблем. Много их тут было, но его заинтересовал только один – он не относился ко времени падения дворца. Это был мужчина, лежащий лицом вниз, явно в возрасте. Одет в кожаную грубоватую куртку и штаны из плотной ткани коричневого цвета, на ногах сапоги, вполне себе добротные, сто процентов не самодел. Сохранился он хорошо – обтянутая желтой восковой кожей мумия с перекошенным лицом. Причина смерти очевидна – кто-то небольшой, но очень сильный кинулся человеку на спину, сбил с ног и использовал ее когтями, разодрав крепкую куртку, рубаху в клочья, а затем вырвал кусок шеи. Этому покойнику Константин уделил целых пять минут. Во-первых, у него обнаружился еще один револьвер и целый десяток патронов, но стоило взять боеприпасы в руки, как стало ясно, что это явные самоделки, гильзы переснаряжались не один раз, самодельная тупая свинцовая пуля отлитая кустарно. Во-вторых, в правой руке он сжимал странный круглый амулет, напоминающий солнце, вписанное в круг, в центре которого был крохотный грубый желтоватый камешек, напоминающий кварц

или тусклый янтарь. В-третьих, рядом валялась большая кожаная сумка, скорее даже баул, заглянув в которую Константин присвистнул. Чего тут только не было – и несколько золотых украшений, и богатая одежда, и какие-то флаконы с различными жидкостями, камни, явно драгоценные. Сумка потрескалась от времени и была непригодна, как и большинство тряпок, что внутри. Воронцов забрал только револьвер, золото, драгоценности и странный железный амулет.

– Очень интересно, – разгибаясь, но продолжая разглядывать покойника, произнес Воронцов, – кто ж ты такой?

Но ответа на этот вопрос не было. Труп старый, пролежал не один год, даже, скорее, не одно десятилетие, и снова Константин не обнаружил следов других животных. Что же, черт возьми, тут происходит? Крысы должны были ничего не оставить, но их тут нет, а ведь они живут везде, хотя это другой мир, но это не значит, что у них не должно быть аналога. Или они не живут только тут, в этом странном городе?

Больше ничего интересного труп предоставить ему не мог, и Константин тронулся дальше.

Под ногой очередной раз что-то хрустнуло, Воронцов бросил быстрый взгляд и обнаружил очередную мумию, которой он наступил на высушенную руку. Пока он дошел до распахнутой двери, он миновал примерно два десятка трупов. А сколько их всего на этом первом этаже? Он даже задержался и осмотрел парочку. Одежда простая, явно рабочая, сохранилась лучше, чем у тех, что наверху. Да и понятно, здесь

погода не так сильно влияла на тела, хотя кое-где на стенах была плесень, явно протекал потолок.

Остановившись на пороге, Воронцов осмотрел комнату. Обычная, минимум мебели – кровать, шкаф, стол, стул, окно. На полу лужа, явно натекло с потолка. Здесь тоже похозяйничали мародеры. Но Константин и не собирался тут ничего искать, из дворца надо было линять, и предчувствие орало, что это надо делать, как можно быстрее. И он, следуя чуйке, взобрался на стол и полез в окно, из которого до земли всего пара метров.

Едва подошвы сапог коснулись каменной дорожки, которая шла вдоль стены дворца, как где-то в городе раздался вой. Это был первый посторонний звук, который Воронцов услышал в руинах за весь день. Кожу мужчины мгновенно осыпало мурашками. Страх, вот что испытал бывший детектив при этом звуке, а еще он был уверен, этот потусторонний вой не мог принадлежать ничему живому. Константин резко завертел головой. Казалось, что вот-вот из сгущающихся сумерек на него бросится что-то зловещее, страшное, а у него из оружия только холодняк, значит, нужно искать максимально защищенное место.

Пока он обыскивал кабинет, ему попалась докладная записка, валявшаяся прямо возле выбитого окна. Часть текста пострадала от влаги, но остальное было вполне читаемо. Так он узнал, что некий полковник Черк ходатайствовал Светлейшему Князю за увеличение довольствия людям,

верно служащим на благо отчизны и заботе о престоле. Было там и описание быта гвардейцев, и указано место их дислокации – те самые три двухэтажных дома, на которые Константин навелся с крыши, и все высоким пафосным штилем. Прикинув, что даже если мародеры, навестившие дворец, и разграбили казармы, но все равно это место должно быть защищено гораздо лучше, чем руины дворца.

До казарм Константин добрался, когда тьма приблизилась к нему почти вплотную. Видимость сократилась до пятидесяти шагов, а дальше начиналась сплошная чернота. И теперь она ощущалась теперь гораздо четче, от нее веяло холодом. Из рта Константина при каждом вздохе вырывалось облачко пара, а лампа, которую он так и тащил с собой, не бросив в подземелье, едва разгоняла серость на пару шагов.

По дороге хватало скелетов и в мундирах, и в костюмах. Женщины и мужчины, даже несколько маленьких скелетов попало, похожие на детские. Некоторые лежали целыми, другие же убивали друг друга, сцепившись насмерть. Неизменно присутствовали следы обыска, но мародеры явно торопились, хватая самое ценное.

Уже у самых казарм Константин обнаружил целое поле костяков. Рядом с телами валялось совершенно ржавое и непригодное к использованию оружие. Скорее всего, местных гвардейцев подняли по тревоге и выдвинули на защиту князя, но добраться до тронного зала они не успели. С ними произошло то же, что и со всеми остальными обитателями,

одни умерили сразу, другие бросались друг на друга. Загадка пока ответа не имела. Константин читал много фантастики, нравился ему этот жанр, и вот в некоторых книгах было нечто подобное – ментальный удар огромной силы, который действовал на разных людей по-разному. А что, вполне рабочий вариант, пусть будет за основную версию.

Пройдя по кладбищу и морщась, когда кости лопались под сапогом, Воронцов обошел две первые казармы и направился ко входу третьей, которая меньше всего пострадала. Здесь были целы двери и окна, но везде хватало следов внезапной тревоги. Солдаты покидали казармы в спешке. Вот на полу валяется портрет девицы, похожий на фотокарточку, которая задвигалась, стоило взять его в руки, этакая гифка, похоже на то, что было в фильмах про Гарри Поттера. Брошенные на койку кальсоны, оброненный перочинный нож, сбитое одеяло, бутылка прямо в проходе, бритва, оставленная на тумбочке – все это говорило о том, что случившееся было для обитателей дворца абсолютно внезапным. Мародеры, если и хозяйничали тут, то поверхностно, во всяком случае, следов глобального шмона он не обнаружил. Может, им не хватило времени? Вот это Воронцова больше всего напрягало. Допустим, они пытались успеть засветло, значит, тьма мертвого разрушенного города очень опасна для людей. Труп, который он нашел, тоже вписывался в эту концепцию. Это мог быть отдельный мародер, а может, он не успел выбраться, и свои его кинули, но больше они в город не верну-

лись. Интересно, почему? Но все эти вопросы были риторическими, без каких-либо ответов.

Для ночевки Константин выбрал кабинет командира второй роты, капитана Рюмина, который носил титул, не много не мало, а целого барона. Заперев массивную толстую деревянную дверь, Воронцов разместил на столе магическую лампу, а затем нашел в углу еще одну, и тьма отступила. Константин задернул плотные темные шторы на окне. Вот странно, ведь большинство одежды мошь погрызла, да так усердно, что почти ничего целого, а тут шторы без единой прорехи, солдатские шинели тоже не особо пострадали, такое ощущение, что моли они совершенно не понравились. А может, их как-то защитили? Но почему тогда не защитили мундир в том кабинете, где он нашел карту? Вопросов больше, чем ответов. Махнув на эти загадки рукой, Воронцов начал выставлять на стол то, что удалось найти в результате спешного обыска нескольких солдатских сундуков. Добыл он и оружейное масло, и инструменты для чистки, и ветошь. Еще обнаружилась пара пустых фляг, на этот раз банальная латунь. Нашелся нормальный ремень с портупеей. Как уцелел за годы забвения, загадка, но выглядел он вполне себе добротно. Почти в каждом осмотренном сундуке имелся ранец, не сказать, что большой, но гораздо удобней, чем баул из простыни. Солдаты ведь не в поход шли, а были спешно подняты по тревоге, вот и оставили то, что им не нужно, в личных хранилищах. Так что, Воронцов отобрал себе три, чтобы потом вы-

брать тот, что получше. Еще у него теперь имелись целых два алюминиевых котелка. Никакого оружия и боеприпасов в казарме второй караульной парадной роты не нашлось. Зато в наличии были шинели темно-синего цвета, фуражки с государственным гербом на кокарде и нижнее белье, так что, теперь у бывшего частного детектива имелся второй комплект. Вот только обуви запасной не нашлось, но он и так оброс имуществом, большинство этого придется бросить, отобрав только самое нужное.

Желудок предательски заурчал. Константин тяжело вздохнул, жрать было совершенно нечего. Достав флягу, он сделал несколько больших глотков. Желудок, получив порцию жидкости, на время заткнулся. Теперь пора было заняться найденным оружием. Начал он с револьверов. Залив в один котелок побольше оружейного масла, Константин взялся за полную разборку револьверов. Без документации это было тяжело, но другого варианта не было, оружие нужно привести в порядок, и хоть он и не силен в механике, но руки у него растут все же из плеч. Так что, внимательно запоминая, он медленно и не спеша, используя найденные инструменты, снимал деталь за деталью, кидая их отмокать в масло. Как только оба револьвера утонули в черной жиже, наступила очередь винтовки. Вот здесь оказалось все немного проще, магазинная пятизарядная винтовка была простой и безотказной. Да, время потрепало ее, но убить не смогло. Видимо, гениальные мысли приходят великим оружейникам

не независимо от мира, в котором они живут. Константин не знал кто создатель этого оружия, скорее даже не винтовка, а карабин, поскольку ствол покороче, но она была простой, почти такой же, как родная и немного знакомая мосинка. Сняв с нее максимальное количество деталей, он отправил их отмокать во второй котелок, а сам принялся за приведение в порядок ствола. Залив внутрь масла по максимум, он поставил ее в таз для умывания, затем осмотрел комнату, это помещение он обыскать еще не успел. Сначала шкаф. Да, мошь постаралась, и от парадного белого кителя остались только дыры. То же самое произошло и с серым обычным гражданским костюмом типа тройки, лакированные туфли пережили все, что им было отмерено, но у барона ножка оказалась совсем маленькая, размер сороковой или даже тридцать девятый. Хорошая обувь, вот только лапища у Воронцова сорок третьего. Мошь позаботилась и о шляпе. Хорошо что в одном из солдатских сундуков нашлась фуражка со сломанным козырьком, которая ему вполне подошла. Следующим объектом досмотра стал стол. В боковом ящике какие-то бумаги с вензелем барона. Два десятка чистых плотных листов и карандаш Константин взял себе, пригодится. Мародеры, видимо, посчитали бумагу малоценной добычей, хотя кто-то шарил в ящиках стола. Еще он вскрыл тайник, опыту по поиску подобных у Константина с его работой хватало, а мародерам либо было лень, либо времени не хватило. В нем под хитрой задней стенкой обнаружился толстый кожаный кошелек

с бумажными ассигнациями, и еще десяток золотых, как для себя обозвал Воронцов, червонцев. А еще карманные серебрянные часы с гербом на крышке, но вот на этот раз там был не лев, а какая-то хищная птица вроде сокола, стремительно падающая вниз со сложенными крыльями на какую-то башню. Вокруг выбит девиз – Честь превыше смерти. Константин открыл крышку и увидел фото женщины – черные кудри, круглое милое лицо, на одежде обилие кружев, лет двадцать пять, наверное, и снова магическое изображение двинулось и подмигнуло ему. Аккуратно достав его, он положил его в ящик стола, зачем ему чужой портрет? Он быстро нашел, как часы заводятся, и с удивлением обнаружил, что они тикают, немного громко, но идут. Вот только в тишине мертвого дворца, это тик-так было слишком громким, а еще он обнаружил, что делений на циферблате не двенадцать, а тринадцать. И если логически подумать, то в местных сутках не двадцать четыре часа, а двадцать шесть. Все добытое переместилось в один из солдатских ранцев, который выглядел лучше всех. В принципе, хватай и беги. Понимая, что с винтовкой и револьверами торопиться не стоит, Воронцов завалился одетым на кровать давно погибшего барона. Глаза слипались, спать хотелось жутко, все же день вышел насыщенный, и мужчина уже порядком вымотался. Вот только беспокоила его тьма, серость окончательно исчезла, и теперь только свет ламп не давал ей поглотить комнату целиком. А еще температура резко упала. Поежившись, Константин

забрался под одеяло прямо в одежде, не снимая сапог. Укутавшись с головой, он удовлетворенно выдохнул, согреваясь. Глаза закрылись сами собой, и бывший частный детектив, а теперь попаданец, вырубился.

Глава третья

Вот только выспаться ему не дали – спустя час он проснулся. Резко сев на кровати, Константин стер куском простыни выступивший на лбу холодный пот, пульс зашкаливал, сердце колотилось, как безумное, его взгляд остановился на запертой входной двери, которую он для надежности подпер тяжелым массивным стулом. Ужас, паническая атака – вот, что ощущал Воронцов. Только причина этого неясна, в комнате по-прежнему никого не было, окна, задернутые плотными занавесками, закрыты, в каморке барона стекла, как ни странно, уцелели, что можно считать невероятным везением. В абсолютной тишине казармы Константин отчетливо слышал, как бешено бьется его сердце, да не просто слышал, оно рвалось из груди, словно хотело свалиться отсюда, как можно дальше. Единственный раз в жизни его сердце так билось, когда в результате одного из дел Константина чуть не сбросили с крыши. И вот тогда, когда он висел на уровне семнадцатого этажа и пальцы грозили соскользнуть, он испытал подобный ужас, но только подобный, сейчас это было в разы хуже, поскольку он ощущал его на физическом уровне, как нечто материальное. Словно что-то обволакивало его, погружая в пучину отчаяния. Пульс зашкаливал, стало тяжело дышать, все тело мгновенно покрылось мурашками, холодный пот выступил на спине, и рубаха мгновенно

прилипла к телу. Захотелось открыть окно и, выпрыгнув наружу, бежать из этого жуткого места без оглядки. А еще он точно знал, сосредоточение этого страха находится за дверью.

Не прошло и полминуты, как в комнату прямо сквозь дверь бесшумно всплыла черная тень. Это был сгусток тьмы, которого едва касался свет от магических ламп. Кто видел фильмы про Гарри Поттера, без труда опознал бы в этом существе дементора. И действие его на человека было примерно таким же, как описывали герои киноленты. Только тот выкачивал радость. Потеря радости – фигня, ужас и паника – вот оружие твари, заглянувшей на огонек. А еще Воронцов понял, что тень его не видит и не слышит, дышал он сипло и тяжело, и никак не мог этого прекратить. Тень же слепотарасилась на горящие лампы. Легко переместившись, добралась до стола, на котором стояли котелки с оружейным маслом. Она принюхивалась, по-другому это никак нельзя назвать, она четко шла по какому-то одному видимому ей следу, но человека, сидящего от нее в нескольких метрах, не видела.

Константин трясущейся рукой вытащил из-под подушки кортик – единственное оружие, которое ему сейчас доступно. Если ему суждено умереть, то без борьбы он не сдастся. Рука, сжимающая рукоять, дрожала. Черная тень, словно почувствовала угрозу, она не видела и не слышала человека, но ощутила, что еще немного, и ее атакуют. Плавность движе-

ний исчезла. Если до этого она медленно парила в полуметре от пола, продвигаясь по комнате, то теперь она рывком отпрянула к шкафу, выходя за границу света. Воронцов почти мгновенно потерял ее из виду, но по-прежнему испытывал давящий на него ужас. А потом все разом исчезло, и Константин понял, что незваный гость свалил. Теперь пришелец из другого мира понимал, почему в этот город не вернулись люди... В этом городе слишком много жизни.

Ни о каком сне больше и речи не шло. Закрывать глаза? Расслабиться? Да вы, б..., шутите? Тут вопрос – как бы зайкой не сделаться. Мужчина трясущейся рукой вытащил из ранца початую бутылку вина и прямо из горла выпил половину, потом охлопал себя по карманам в поисках сигарет, но ничего, кроме пары патронов не обнаружил. Как же сейчас хотелось закурить. Он сделал еще пару глотков, успокаиваясь. Если бы его спросили, что самое страшное в его жизни, день назад он бы ответил – несправедливый приговор, пять часов назад – что бродить по мертвому дворцу голышом. Сейчас он знал четко – черная тень. И почему-то ему казалось, что ужас – это не единственное оружие существа.

Что ж, если выспаться не выйдет, тогда нужно заняться тем, чтобы повисить свои шансы на выживание. Разложив на столе инструменты, и не заботясь о пыльном сукне, он принялся раскладывать на листы бумаги, извлекаемые из котелков части оружия. Через три с половиной часа из двух револьверов удалось собрать один. Он выглядел довольно хо-

рошо, во всяком случае, по сравнению с тем состоянием, в котором был найден. Ствол вылизан, насколько это возможно, барабан откидывался без особого труда, курок ходил гораздо легче и без скрипа, спусковой крючок был не особо тугим. Выдохнув, Воронцов покосился на дверь, за это время он еще дважды ощущал присутствие тени, та же она или другая, неясно, но к нему заглядывали. В какой-то момент он успокоился, исчез панический страх – его не видят, и не слышат, ощущают присутствие, но найти не могут. Эти выводы вернули мужчине спокойствие, он даже улыбнулся, когда тень в очередной раз явилась в его комнату. И это невинное действие едва его не убило, тень мгновенно сделала стойку, словно почуяла изменившийся эмоциональный фон, она обнаружила существо, у которого есть то, что ей незнакомо.

Страх мгновенно вернулся к Константину, его беспечность и расслабленность исчезли, сердце снова забухало, по спине побежали мурашки. «Дементор» так Константин решил называть своих жутких соседей, еще с несколько секунд смотрел в его сторону, видимо, пытаясь найти незнакомые эмоции, но убедившись, что от них и следа не осталось, и маяк погас, развернулся и выплыл в коридор. Воронцов выдохнул воздух из легких, страх снова ушел, но теперь он точно знал, что лучше тварь бояться, не нужно считать себя самым умным.

К утру и винтовка превратилась во вполне боевое оружие. Что она, что револьвер были пятизарядными. Осмотрев каж-

дый из найденных патронов, Константин три забраковал. Хорошо бы отстрелять хотя бы по десятку, чтобы понять процент осечек, но у него просто не было такого количества патронов: к винтовке – чуть больше тридцати, к револьверу – одиннадцать.

Отодвинув занавеску, Воронцов посмотрел на светлеющее небо, непроглядная тьма отступала, небо начало светлеть и по нему ползли легкие белые облака. Накануне оно было затянуто плотными дождевыми облаками, но ветер угнал тучи, и хрен знает, куда он их угнал, компаса у Константина не было. Как сориентироваться по сторонам света – без понятия, нужна хотя бы примерная привязка к местности. Теперь в голубом небе скользили белые облака, а над мертвым городом поднималось обычное солнце. Его появлению Воронцов радовался особенно сильно, темнота теперь пугала его, и восходящее светило говорило, что пока он в безопасности, во всяком случае, от «дементоров». Подхватив ранец, он закинул его себе за спину, к карабину прикрепил трехгранный длинный штык, сейчас он дарил мужчине гораздо больше уверенности, чем впопыхах восстановленная винтовка с патронами, которым черте сколько лет.

Открыв дверь, Константин несколько секунд стоял на пороге, прислушиваясь к мертвой тишине казармы, и только урчание живота нарушало покой покинутого десятки лет назад здания. Выглянул в коридор, словно переходя дорогу, сначала посмотрел направо, затем налево. Не обнаружив ни-

чего подозрительного, попаданец поневоле решил, что пора сваливать из этого города. Поскольку ему было плевать, в какую сторону идти, все равно ведь без понятия, что вокруг творится, Константин вышел на плац и ради интереса заглянул в княжеский гараж, который находился чуть в стороне. Два бокса были пустыми. В третьем стояла машина, вот только она напоминала больше транспорт тридцатых годов, чем коляски начала века. Это был белый лимузин с длинным капотом, как у роллс-ройса. Воронцов не особо интересовался историческим транспортом, но на паре автошоу, где энтузиасты показывали восстановленные раритеты, был. Пожалуй, эта машина напоминала один из первых советских автомобилей ЗИС101. Теперь эта красота стояла на спущенных шинах, лобовое стекло покрыто грязью, некогда блестящий белый капот весь в ржавчине, погода и время не пощадили. Константин тяжело вздохнул, и, устало махнув рукой, отправился прочь из дворцового комплекса. Идти он решил через задний двор, лезть опять через дворец не было никакого желания, а здесь, на «заднем» дворе, так сказать, не было так много багряной растительности. Да, деревья и кусты тоже подверглись изменению, но здесь было много камня, на территорию которого они не лезли, не было нужды прорубаться через чащу.

Четыреста шагов до ограды. Воронцов специально считал. И шагал он под урчание пустого живота, жрать хотелось неимоверно, но он пока не видел ничего съедобного. У него

была надежда – река, которую он видел с крыши. Конечно, после всего случившегося, она могла быть такой же пустой и безжизненной, как и город, на котором она стоит, но все же надежду на жирную рыбу Воронцов не терял. Вопрос был только в том, где раздобыть снасти. Последний раз его кормили ужином больше полутора суток назад, и сейчас Константин вспоминал котлету с пюре и компот из сухофруктов, как блюдо из самого дорого ресторана, правда, порция на ужин была сокращена почти вдвое от предыдущей. Так что, вопрос еды сейчас вставал на первый план. Еда – это силы, еда – это энергия, наличие других людей Константина занимало гораздо меньше, чем вопрос, что бы сожрать.

Ограда в этом месте сильно пострадала. Кованная трехметровая, украшенная литьем, наверное, в свое время смотрелась очень величественно, но сейчас ржавчина сожрала ее, а дерево, росшее рядом, обычное зеленое дерево, очень напоминающее липу, буквально выдавило секцию, и теперь прутья валялись на брусчатой мостовой. Глядя на эти ржавые железки, Воронцов почему-то почувствовал щемящую тоску по порушенной, утраченной красоте.

Воронцов одним прыжком запрыгнул на метровую каменную стеночку, на которой раньше стояла ограда, и прямо по прутьям сбегал на брусчатку. Все мостовые столицы были из плотно пригнанной брусчатки, но как бы не старались строители, между щелей росла трава. Видимо, бывший детектив угадал, и время года – конец весны, поскольку трава

не вымахала по колено, а была всего по щиколотку. Воронцов направился через дорогу и площадь. Здесь было множество различных лотков, которые быстро собирались и разбирались торговцами на ночь и увозились на транспорте. Видимо, катастрофа произошла в самый разгар торговли, костей тут хватало. Фанерные ларьки и товар сгнили, но кучами по-прежнему лежали там, где их поставили утром. Над головой кто-то мерзко проорал, и Константин, стягивая винтовку с плеча, задрал башку вверх. Метрах в пятидесяти над ним кружила вполне себе немаленькая птица, явно не ворона, гораздо крупнее, она изредка взмахивала крыльями, внимательно наблюдая за ним. Конечно, разглядеть ее нормально не получалось. Солнце било сбоку, разгоняя серость, гораздо лучше, чем в пасмурный день, но все, что удалось разглядеть, это мощный клюв, черное с серебристым оперение и довольно крупные лапы. Размах крыла, если он не ошибся в габаритах, около метра, а может, даже и поболее. Но больше всего ему не понравилось, что тварь, стоило ему потянуть с плеча винтовку, резко рванула вверх, унеслась в сторону домов. Она умела соображать, она знала, что такое огнестрельное оружие, и ощущала от него опасность.

Пройдя примерно половину, Константин изучил вывески нескольких магазинов, располагавшихся на первых этажах довольно богатых домов. «Лавка купца Озерова», «Гастрономь Ложкина», «Оружейный магазин братьев Силовых». Последний Воронцова заинтересовал особо. К нему он и на-

правился в надежде, увеличить размер боекомплекта, или хотя бы добыть каталог по оружию данной реальности или инструкции по обслуживанию. Ведь он плохо представлял, что может встретить в пути, и вопрос этот надо было прояснить. Мир этот знал пулеметы, ржавые короба с пустыми лентами он нашел возле казарм. И видел даже разбитый, искореженный, перевернутый броневи́к с крыши дворца, он напоминал тот самый легендарный АМО, с которого Ленин толкал речь перед матросами. Его опрокинула та же сила, что разрушила город. Он почти врос в землю и был весь оплетен лианами. Да и мародеры, наверное, внутри пошарили, так что соваться к нему не имело смысла. Наверняка и артиллерия в этом мире присутствует, может, даже что-то и летающее. Интересно, до танков дошли? Но больше всего у Воронцова было надежды на то, что там он сможет раздобыть снасти, и хоть какую-то приманку.

До «Оружейной лавки братьев Силowych» оставалось всего с десяток метров, когда на брусчатку плохо освещенной подворотни с ближайших руин, бывших «Адвокатской конторой Лопухина и К^о» бесшумно спрыгнуло существо размером с пятилетнего пацана. Оно было прямоходящим и стояло на задних лапах, доставая Константину до пояса. Длинный гибкий хвост выписывал за спиной твари петли. Сомнительно, что это существо было когда-то человеком, алые глаза, словно угли, горели в больших узких глазницах. Пасть впечатляющая, наверное, не меньше, чем у ротвейлера, вся

унизанная тонкими острыми зубами. Грудная клетка, как и все тело, лысое, но забранное какой-то матовой чешуей. Трехпалые верхние конечности не такие уж и длинные, но когти впечатляли – сантиметров пять, если не больше. Константин тут же вспомнил мертвого мародера во дворце, ведь тот, кто его убил, был трехпалым. Но больше всего бывшего детектива беспокоило то, что вокруг непонятной тварины ключьями летали кусочки черноты, словно не слишком плотный туман, который то скрывал участок кожи, то открывал. Чертик, как мысленно его окрестил Воронцов, припал на передние лапы, выгнул спину, скрутив хвост в кольцо, и приготовился к прыжку. На человека он смотрел, как на привычную добычу, не было ни страха, ни сомнений. Единственное, что останавливало это существо – винтовка, тварь знала, что это такое, и осторожничала. А если знала, почему решила напасть?

Воронцов замер и поудобнее перехватил карабин, который нес в руках. Он имел весьма посредственное представление о штыковом бое. Да и кто в начале второй четверти двадцать первого века, представляет себе штыковой бой? Энтузиасты историки, любители старины, реконструкторы? Ни тем, ни другим, бывший частный детектив не был, поэтому изготoвился к обороне, как мог, выставил вперед левую ногу, слегка согнул ее в колене. Карабин со штыком теперь был между ним и «чертиком», прыгнет, и штык пойдет вверх, броситься в ноги, и можно будет встретить атаку.

Человек – существо мягкое, чтобы пробить его трехгранной острой железкой, не нужно прилагать особых усилий, а вот эта тварь в матовой черной чешуе, неизвестная переменная, может, возьмет его штык, а может, и нет. На худой конец, можно и стрельнуть, штык выстрелу не помеха, вот только стрелять Воронцов опасался, поскольку это могло привлечь других алчущих его крови. Одиночный выстрел в мертвом городе разлетится по окрестностям на многие километры.

Окруженная тьмой тварь атаковала стремительно и почти провела Константина. Она продемонстрировала рывок в ноги, и когда он опустил оружие для защиты, резко прыгнула вверх, целя распахнутой пастью, полной зубов и клыков в горло. При этом она нанесла удар свернутым в кольцо метровым хвостом, тот почти угодил в грудь, заставив бывшего детектива отшатнуться. Чертик был быстр, так быстр, что Воронцов сто пудово был бы убит, если бы он, избегая удара хвоста, не опрокинулся на спину, и, уже сидя на заднице, не вскинул карабин вверх, чтобы хоть как-то отгородиться от агрессивной твари. Штык, не без труда преодолевая сопротивление чешуи, с противным хрустом вошел в не слишком широкую грудь атаковавшего его местного мутанта, и буквально перекинул его через свою голову, масса у того была приличная – не меньше сорока кило, чертик умудрился ухватиться обоими трехпалыми руками за ствол винтовки и вырвал оружие из рук неопытного бойца, да Константин и не пытался удержать его. Он судорожно зашарил на поясе,

ища рукоять револьвера, при этом стараясь обернуться. За спиной послышался грохот упавшего тела, а через секунду по брусчатке стукнул деревянный приклад винтовки. Воронцов, наконец, вытащил ствол из кобуры и посмотрел на своего врага, тот лежал в двух шагах, уставившись на человека, который судорожно пытался взвести курок. Рубиновое пламя в багровых узких глазах твари начало медленно гаснуть, короткий вскрик или даже скорее скулеж, и тварь, дернувшись, сдохла.

Вскочив и пытаясь унять предательскую дрожь в коленях, Константин подбежал к мертвому мутанту, ярость и страх буквально выплескивались наружу.

– Сукаааа, – заорал он на весь мертвый город и пробил с ноги по морде твари, потом еще раз и еще.

Эхо его вопля металось по руинам, отражаясь от стен мертвых домов, а он все бил и бил.

– Сука, – прошептал Воронцов в последний раз, прогоняя свой страх, и только сейчас почувствовал себя живым, почувствовал себя победителем.

Наконец, остыв от схватки, он снова включил голову и, сжимая в руке револьвер, заозирался, надеясь, что тот, кто его услышал, не явится глянуть, что за редкостный мудаколет на весь центр. Но все было тихо. Сунув ствол в кобуру, Константин поднял карабин и рывком вытащил торчащий из груди мертвого мутанта штык. Что произошло дальше, он так и не понял. Мертвое тело окуталось странным черным

туманом, его стало гораздо больше, и он стал плотнее, он не рассеялся, как ожидал Воронцов, наоборот, тьма начала концентрироваться в районе брюха, становясь все плотнее и плотнее, пока, наконец, не собрался в небольшой черный шарик, размером со стеклянный из детства, сокровище любого мальчишки, выросшего в СССР. Никто не знал, откуда берутся эти шарики у пацанов, чаще всего их находили возле железной дороги. Вот и сейчас произошло что-то странное, темный шарик наконец-то уплотнился по максимуму и просто упал на брусчатку, залитую кровью мутанта.

Константин присел и с минуту смотрел на него, потом взял в руки. Тот был плотным, как и тот стеклянный, из детства, и размеры подходящие, вот только намного легче, и слегка светился.

– Дают, бери, – пробормотал Воронцов себе под нос и сунул его в карман.

Бросив взгляд на мертвого мутанта, Воронцов прикидывал, можно ли его сожрать, но потом решил, что хоть желудок и пустой, но есть подобную тварь небезопасно для здоровья. Крысы, собаки, в конце концов, обычный кот, он бы без сомнения пустил все это в дело и набил бы желудок, но жрать непонятного мутанта, окутанного тьмой, просто неблагоприятно. Да и пахивало от трупа странно, чем-то вроде кислоты. Воронцов присел рядом и, обмакнув пальцы в черную густую кровь, поднес к носу. Да, кровь пахла чем-то кислым. Поудобнее перехватив винтовку, которая его здоро-

во выручила, он решил придерживаться прежнего плана и порыбачить, если в оружейной лавке найдутся снасти. Хотя уверенности в этом не было, наличие мародеров говорило о том, что они обязательно туда заглянут, вряд ли они ограничились разграблением разрушенного княжеского дворца.

Ну почему на него напало именно это, а не обычная дикая собака? От знакомого охотника он слышал, что дикие собаки вполне себе съедобны, и если потушить их, то похожи на суховатую говядину. Но как говорить, сожалеть о случившемся – это попросту тратить время.

«Оружейная лавка братьев Силовых» сильно пострадала – два верхних этажа были разрушены, стена фасада обвалилась, и чтобы пробиться ко входу, понадобился бы бульдозер, разобрать в одиночку завал из камней, размером со взрослого человека, было нереально. Константин даже и пытаться не стал. Он обошел магазин по кругу. С черного хода ситуация оказалась примерно такой же, там просто обвалилась часть здания, но попасть внутрь нужно было обязательно. Если нельзя попасть через дверь, то наверняка можно через верх, ведь сто процентов из магазина на второй этаж вела лестница, и если она не пострадала, то ничто не мешает ему попасть внутрь.

Приняв решение, бывший детектив, обмотав руки кусками простыни и дав себе зарок обзавестись нормальными перчатками, полез по завалу вверх. Не сказать, что восхождение на пятиметровую высоту было сложным, просто слишком

много всего навалено. Эта часть города пострадала гораздо сильнее – обломки мебели, битые стекла, какие-то деревяшки с гвоздями, и много камня, который норовил выскочить из-под ног. В какой-то момент завал зашатался и слегка просел, но Константин к этому моменту успел добраться до куска устоявшей фасадной стены и уцепился за лозу дикого винограда, который пророс сквозь завал.

– Твою мать, – прошипел он, когда вполне себе надежный кусок стены у него под ногами просел на полметра, заставив болтаться в воздухе, держась одной рукой за прочный стебель растения. Больше всего бывший частный детектив боялся покалечиться, сломает ноги, и все, из города ему не выйти, или чертик найдет, или что-то другое, при таком раскладе будет лучше приставить себе револьвер к виску.

Когда камни прекратили шататься и скатываться вниз, Воронцов перебрался внутрь. Что ж сказать, разруха была феноменальной, тут, похоже, тоже располагался выставочный зал, поскольку на полу, который вполне себе уцелел, валялись разбитые стеллажи, на которых сохранились ржавые куски железа, ранее бывшие ружьями и винтовками. Магазин, был богатым, только этот зал почти двадцать пять квадратных.

Но самое главное – под гнилым упавшим здоровенным шкафом обнаружилась вполне себе целая лестница, которая, благодаря импровизированной крышке, не особо и пострадала. Вот только, чтобы сдвинуть хоть и трухлявый, но раз-

бухший от воды шкаф, пришлось постараться.

Воронцов запалил «магическую» лампу и, аккуратно ступая по деревянным ступеням, начал спускаться вниз. В принципе, все прошло неплохо, лестница поскрипывала, но держала, трухлявой оказалась только одна доска, которая с треском сломалась, когда приняла его вес, но это не страшно – она была последней. Воронцов быстро шагнул вперед и оказался на вполне себе крепком деревянном полу. Если бы не лампа, темнота торгового зала была бы полной.

Константин поднял ее над головой, чтобы свет выхватил, как можно больше пространства. Там, где был главный вход, на полу осколки стекла – все, что осталось от витрины. Завал такой же капитальный, даже малейших щелей нет, через которые мог бы пробиваться солнечный свет. Со стороны заднего хода тоже завал, но торговый зал он не затронул за небольшим исключением – треснули доски межкомнатного перекрытия и перекосило дверь, за которой, скорее всего, были складские помещения. Все остальное в зале было вполне цело, вот только плесень на стенах, пожирающая дерево, и лужи говорили о том, что пол второго этажа не является надежной защитой от непогоды.

Теперь настало время обследовать магазин. Осторожно ступая по поскрипывающим половицам, он медленно двинулся по торговому залу. Что ж, его расчет оправдался. Константин, улыбаясь сам себе, разглядывал обнаруженное. Здесь торговали не только оружием, но и всякой походной

утварью. Нашлась тут и тренога под здоровый котелок, и сам котелок литра на три. В стенном шкафу мотки толстой лески с крючками, блеснами и грузилами. А вот удилищ никаких не было, три бамбуковых удочки, поломанными, валялись на полу и были к работе совершенно непригодны. Сейчас невольный попаданец с тоской вспоминал великолепный финский спиннинг, который остался в кладовке небольшого дачного домика. Но выбирать было не из чего, так что он вытащил приличную катушку лески и все необходимое для рыбалки и сложил на витрину с кассой.

Теперь настало время уделить внимание оружейной части магазина. Некоторые стенды были пусты, но с пяток винтовок и ружей он обнаружил в пирамидах, запертых на ключ. Продавали тут и револьверы, и даже имелся пистолет, напоминающий легендарный Маузер из кино про Октябрьскую революцию. Все они лежали на витрине под грязным пыльным стеклом и выглядели просто отлично. Может, зря накануне он весь день бродил по княжескому дворцу, и надо было просто прийти сюда? Но, с другой стороны, напади на него чертик накануне, мог бы и не отбиться железякой, да и с кортиком не факт, что справился бы.

Патроны нашлись под прилавком, несколько жестяных ящичков, в которых в промасленной бумаге лежали совершенно целые пачки патронов, винтовочные по пятнадцать штук, револьверные по двадцать. Выглядели они гораздо лучше, чем те, что Воронцов собрал по трупам во дворце.

Поэтому старые он просто выкинул, а новые снарядил, и набил их в ранец, много не вышло, без ущерба для веса пришлось ограничиться пятнадцатью пачками винтовочных и пятью револьверными.

Теперь настало время разобраться с вооружением. Револьвер, с которым он возился полночи, приводя в порядок, Воронцов оставил на витрине. Как ни жалко затраченных усилий, но он проигрывал тому, что он присмотрел в магазине. Новенький, с длинным стволом, почти сто семьдесят миллиметров против ста десяти у прежнего. И кобура под него нашлась, открытая, как у ковбоев, а не как для Нагана с клапаном. А чтобы не потерять, рукоять удерживал ремешок. Быстро смазал и почистил, тот работал, как часы. Константин слегка отжал курок и резко крутанул барабан, как в фильмах про ковбоев, и барабан обернулся сразу оборотов на десять-пятнадцать с тихими щелчками, да, это была музыка.

Теперь настала очередь «маузера». Хотелось иметь нечто более весомое. Патрон у него был серьезный, даже очень – 7.70×30, чуть меньше стандартного автоматного. Отдача наверняка мощная, но и останавливающая сила хорошая.

Взяв в руки пистолет, Воронцов вскинул, прицелился, фактически это карабин, пощелкал курком в холостую. Все же это был не совсем маузер, рукоять его была гораздо удобней, как у кольта 1911, деревянная, с резиновыми накладками, но до магазинной системы самого кольта тут либо еще не

дошли, либо подобного не было в продаже. Во дворце среди ржавых железок, которых много валялось рядом с трупами, Воронцов тоже ничего такого не видел. Имелась к нему и кобура-приклад, только не деревянная, как к маузеру, а из плотной черной лакированной кожи. Жесткая, но не такая тяжелая. Сделан он был в Латинянском Союзе и назывался «Imperator», весил чуть меньше полутора кило. В инструкции обнаружилось и ТТХ – мощный пистолет с дальностью стрельбы почти в две сотни метров, фактически карабин, восьмиразрядный магазин, зарядение как у маузера с помощью обоймы. Боеприпасов к нему не так много – всего три пачки по шестнадцать патронов в каждой, значит, четыре полных обоймы, немало.

– Берем, – вслух произнес Константин и, снарядив пистолет, убрал его в кобуру-приклад, повесив ту на левую сторону. Вышло неудобно, слишком здоровый ствол. Если бежать, то будет бить по бедру. Понятно, что это оружие не для скоротечного боя, его быстро не достать, к стрельбе не изготовить, фокус с секундным вытаскиванием тут не прокатит, это ведь фактически карабин.

Воронцов озадаченно уселся на табурет. С одной стороны ствол классный, с другой – ну и на хрен он нужен такой? Использовать его вместо винтовки. Допустим, дистанция до ста метров для него с примкнутым прикладом не проблема, можно таскать на плече, но вот сегодня очень выручил штык, когда нельзя было стрелять. Вес – почти два килограмма с

кобурой и патронами. Конечно, легче обычного карабина и в помещении удобней с ним заходить, но как его таскать? Наконец, решение было принято, пистолет вместе с боеприпасом отправился в ранец, пригодится – хорошо, нет, продаст, когда людей найдет.

В кассе, в которую он из любопытства заглянул, помимо ассигнаций нашлись «золотые червонцы», семь монет добавились к уже имеющимся. Теперь, если подсчеты его не обманывали, у него 22 золотых.

С полчасика Воронцов слонялся по магазину. Помимо кортика, который отправился в рюкзак, он обзавелся серьезным охотничьим ножом, которым гораздо удобней разделывать мясо, ну или убивать, Константин никогда не стрелял по людям, а нож это вообще очень личное. С убудюдками, благодаря которым, он попал в этот замечательный мир. вообще состояние аффекта вышло. О людях пока что рано, ему и мутантов хватит за глаза. Кортик все же больше декоративное оружие, парадное, наградное, хотя пырнуть им можно, как самым обычным ножом. Он бы его, наверное, оставил в магазине, но что-то подсказывало, что штука эта очень дорогая. А еще Константин обзавелся прочной кожаной курткой, которая была заперта в одном из шкафов. Вероятнее всего она принадлежала водителю, поскольку рядом обнаружили защитные очки, которые Воронцов тоже прихватил. Шинель – штука хорошая, но она была слишком теплой, а солнышко, несмотря на ранее утро и странную серость, которая в его

лучах сильно сдала позиции, припекало уже очень неплохо. Примерно к десяти утра, Константин Воронцов, попадаец по принуждению, чудом выживший в результате эксперимента безымянного академика, едва не доведенный до сердечного приступа «дементором», не загрызенный зараженным непонятной тьмой мутантом, выбрался на второй этаж «Оружейной лавки братьев Силовых». Отсюда до реки километра полтора. Жрать хотелось просто неимоверно. Вода, которой он старался наполнить желудок, уже не спасала, так что, рыбалка – единственный шанс нормально набить брюхо.

Сделав пару глотков, Воронцов полез вниз по завалу. Возвращаться в лавку Силовых, он не собирался, так что, тащил с собой все полезное – и треногу, и котел, не в ладошках же рыбу варить. Вот только вареная рыба – не панацея, быстро испортится, лучше бы как-нибудь подкоптить. Константин по молодости увлекался разными походами, и компания была легкая на подъем, поэтому особых проблем с горячим копчением рыбы он не видел. Вот только рыбка не портилась, ну, от силы сутки, может, чуть дольше. А ведь неизвестно, сколько ему придется выбираться до людей. Хотя, покинув город, он рассчитывал на зверье или птиц. Если дичь будет, то без еды он не останется. Главное – выбраться отсюда.

Спуститься с завала оказалось гораздо легче, чем карабкаться. Правда, в конце не повезло.

– Твою мать, – только и успел сказать Константин, когда

камень, на который он поставил ногу, поехал вниз.

Лишившись опоры, он приземлился на задницу, и больно приложился копчиком о какую-то деревяшку. Хорошо, дальше не поехал, а то бы всю жопу себе содрал, и крепкие штаны бы не помогли. Поднявшись на ноги, он фактически прыгнул на твердую землю, и потер ушибленный копчик. Внимательно оглядел небольшой внутренний двор, который раньше, наверное, был вполне ухоженным. Хорошо зарабатывали братья, если могли себе позволить иметь лавку в центре столицы, и еще две сотки земли за ней. Теперь все это заросло обычными зелеными кустами и какими-то не слишком высокими деревьями. Не обнаружив поблизости ничего опасного, Воронцов пошел обратно на центральную площадь Новограда.

Труп чертенка валялся на прежнем месте, вот только на нем сидели парочка птиц, напоминающих очень крупных воронов, которые терзали мертвого мутанта. Стоило ему появиться на открытом месте, они оставили добычу и устали на него совершенно обыкновенными, не алыми глазами, словно решая, свалить, или не обращать на человека внимания. Константин решил не мешать, тварям питаться, и обошел их по широкой дуге.

Город был не таким мертвым, как ему казалось. Вот на руинах дома угнездилась какая-то птица, гораздо крупнее тех, что терзали труп чертенка. Стоило ему отойти шагов на сто, как она поднялась вверх и спикировала на мертвую тушу,

прогоняя более мелких ворон. Клюв у нее был мощный. Воронцов несколько секунд стоял, наблюдая, как она выдирает куски граммов по сто-сто пятьдесят каждый, и глотает одним махом. На секунду ему даже захотелось вскинуть винтовку и завалить ее, вроде обычная птица, вполне себе съедобная, это ведь проще, чем возиться с рыбалкой. Он даже вскинул винтовку. Но нежелание шуметь перевесило, черт его знает, кто может явиться на выстрел. И словно подтверждая его мысли, на стервятника прыгнуло что-то очень быстрое и четверолапое, напоминающее очень большого кота. Наверное, тот бы не уступил в размерах рыси. Вот только птица оказалась еще быстрее, «кот» еще находился в прыжке, а птиц, резко махнув крыльями, взлетел метра на четыре, причем оставлять добычу он не собирался, и спикировал на приземлившегося на брусчатку агрессора. Досматривать, чем закончится разборка, бывший детектив не стал, урчащий желудок подгонял его. Развернувшись, Воронцов, не выпуская винтовку из рук, отправился по широкой центральной улице, в сторону реки.

Внимательно глядя по сторонам, Константин шел посредине улицы, держась подальше от тесно стоящих домов. Здесь разрушений было гораздо меньше, видимо, ударная волна, опрокинув строения рядом с дворцом, пошла на убыль. Правда, город все равно сильно пострадал, а время с погодой внесли свою лепту, добивая остатки бывшего величия. Улица, которая вела к реке, была широкой, метров два-

дцать пять. Для города начала прошлого века, это очень даже хорошо. Тротуары тоже имелись, как и дождевые стоки на обочине. Вообще, город выглядел продуманным, в отличие от большинства городов и поселков его старой родины. Там дорогу прокладывали, как телега ехала, да и большинство древних городов построены по этому же принципу. Здесь не так. То, что ему удалось разглядеть с крыши дворца, говорило о ином подходе. Кривых тупичков на глаза в центре вообще не попадалось, улицы расходились от площади как спицы, а дальше начинались радиальные круги. Интересная правильная архитектура. Дома в основном в два три этажа. И это были настоящие дворцы. Правда, смещаясь к реке, Воронцов наблюдал увеличение различных лавок и магазинов. Интересно было бы глянуть на местные торговые ряды. Но больше всего его интересовал и напрягал шарик, который он поднял с трупа чертика, это отдавало самой настоящей мистикой. Хотя, что значит мистика? Ночью к нему в комнату трижды заглядывал «дементор», сомнительно, что пока этот мир был полон жизни, здесь водились подобные твари. За все время, что он провел в «Лавке братьев Силовых», он не нашел ничего такого, что свидетельствовало об их существовании, а ведь наверняка в оружейном магазине должны были быть материалы по охоте на таких тварей. Ну, это, конечно, если не учитывать, что они могли располагаться на двух разрушенных этажах.

Напевая себе под нос старую песню про Щорса, Констан-

тин неторопливо топал к реке и внимательно изучал руины в поисках неприятностей. Теперь Воронцов точно знал – город не безопасен, и он такая же добыча, но он вооружен. Жаль, что братья не шили подмышечные кобуры, похоже, этот мир еще не дошел до подобного новаторства, но в небольшой мастерской, которую завалило лишь частично, он добыл все, что нужно, много кусков кожи, которая совсем не пострадала, толстые иглы и нитки, заклепки, шило, и много чего полезного, будет, чем занять руки вечером. Конечно, ему не добиться идеального изделия на продажу, но и не нужно, надо сделать, так, чтобы у него была возможность таскать «Императора» подмышкой, револьвер с длинным стволом на это не годился, хотя и «маузер» тоже плохо на это подходил, тут бы что-то вроде Кольта или ТТ найти.

Помимо того, что хотелось жрать, очень давила на мозги нехватка никотина, курить – вот чего хотелось Константину. В оружейном он нашел папиросы, но они давно превратились в труху, даже запах табака выветрился, поэтому надпись – «Табачная лавка» на радиальной улице не могла не привлечь его внимания. Полцарства, полцарства за «Приму». Нет, лучше позаботиться о трубке, поскольку крутить самокрутки, Воронцов хоть и умел, но не любил.

Лавка выглядела совершенно целой, во всяком случае, оба этажа не лежали в руинах. Дверь заперта, витрина выставочного зала была грязной, разглядеть, что внутри, нереально, но, в отличие от многих других окон, не валялась оскол-

ками на брусчатке. Целостность объекта наводили на мысль, что, возможно, вопрос с куревом будет решен в положительную сторону. А рыба может десять минут подождать, никуда она не денется.

Дом был не слишком большим, скорее вытянутым вглубь, весь фасад шириной всего метров шесть и фактически упирался в дом слева. С правой стороны проезд, в который могла втиснуться телега. Бить витрину или выламывать дверь, шумя «на всю Ивановскую», не было никакого желания.

– Не выходит в лоб, пойдем с тыла, – прокомментировал Константин и отправился в обход дома.

Не прогадал. Забор, который огораживал крохотный задний двор, некогда сделанный из крепких толстых досок, теперь выглядел жалко. В нескольких местах он устоял, но сильно накренился, вот-вот завалится под весом дикого винограда и выюна, который уже успел расправиться и с другими его секциями. Переступив через преграду, Воронцов окончательно его доломал. Расчет на черный ход оправдался, вот только была проблема – дверь необходимо откопать, уж больно много травы и земли нанесло за годы, что ей не пользовались.

Оглядевшись, Константин обнаружил рядом с трухлявой поленницей не менее трухлявую колоду, в которую был загнан ржавый топор.

– Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни в лицо, Ветер с полудня! – продекламировал Воронцов первые стро-

ки стихотворения Алексея Кольцова и принялся за дело.

С расчисткой он справился минут за пять. Дверь была плотно закрыта, но не заперта. Загнав в щель лезвие топора, он поднажал и с трудом, но распахнул ее наполовину. Мерзко скрипнули давно не смазанные петли. Он с минуту еще стоял снаружи, прислушиваясь к пустому дому, потом огляделся, выискивая опасность за спиной, и только после этого полез внутрь. Протиснувшись в щель, Константин очутился в маленькой комнатке. Под ногой на полу что-то звякнуло, а потом и хрустнуло, пришлось лезть в подсумок. Хотя это для него подсумок, так-то это обычная патронная сумка, он вместо одной положенной нацепил на ремень аж целых две, с левой стороны. Без подвесной было очень плохо, и первым делом, если он найдет нормального мастера, заказать ему именно этот элемент экипировки. Вообще у Константина, как и у любого попаданца-прогрессора, было множество идей, которыми он хотел обогатить этот несчастный мир. Ядерную бомбу ему не сделать, смартфон тоже, порох и так есть, а значит, можно будет подкинуть местным идеи по простейшим вещам, которые не требуют слишком развитых технологий.

Достав из патронной сумки спички и огарок, который он нашел в оружейном магазине, видимо перебои со светом были и тут всем хорошо знакомы, он быстро запалил свечу и огляделся. Что ж труп имелся, это был скелет какого-то животного, возможно, кота. Дверь изнутри была вся исцарапа-

на, похоже, животное, очутившись в западне, пыталось вырваться наружу, но не сумело. На его ребра и наступил Воронцов в темноте.

— Барсик, лежать, — тихо скомандовал скелету бывший детектив, черный юмор всегда был ему близок, поэтому он не видел смысла молчать.

Рядом со скелетом на полу лежала старая керосинка, она разбилась при падении. В емкости не было горючего, так что, бесполезный предмет, а если бы и было, давно бы выдохлась. Прекратив изучать пол, Воронцов поднял свечу повыше, и тут же увидел небольшую дверь. Судя по направлению, она вела в лавку. Вторая дверь обнаружилась по левую руку, и Константин готов был дернуть зуб, что она ведет в подпол, где наверняка склад. Рядом с ней была лестница на второй этаж, там, скорее всего, жил владелец.

Склад — это хорошо, но Воронцову промышленные объемы не нужны и торгового зала хватит. А если нет, тогда можно будет заглянуть и в сокровищницу.

Дверь оказалась не заперта, но пришлось подналечь, чтобы прикипевшие петли со скрипом, но позволили войти. Вот только он ошибся, это был не торговый зал, а небольшое техническое помещение с весами и различными пакетами. Похоже, тут хозяин смешивал различные сорта табака. Из подсобки вела еще одна дверь, скорее всего, за ней выставочный зал, и на этот раз Воронцов попал туда, куда надо. Тот был, не сказать, что большим, четыре на пять, справа и слева вдоль

стен стеллажи, на них лежат пакеты с различным табаком, витрина с трубками, прямо перед Воронцовым прилавок с кассовым аппаратом. Первым делом приспособление для курения. Трубки были на любой вкус – и глиняные, и из дерева, украшенные золотом и серебром. Товар для людей разного достатка, но, судя по месту расположения, магазинчика, основными покупателями были именно зажиточные горожане.

Сняв с витрины пару понравившихся образцов, один из красного дерева с украшением из серебра Воронцов сразу спрятал в ранец про запас, второй из какого-то темного дерева, отделанный золотом, оставил на столе. Нашлись тут и спички. Но больше всего Воронцова заинтересовала вещь, очень похожая на зажигалку. Взяв ее в руки, он ощутил тяжесть благородного металла. Вся она была в каких-то рунах или знаках, стоило откинуть крышку, как прямо над маленьким драгоценным камнем, который совершенно неожиданно засветился нежным желтым светом, возник крохотный, чуть больше горошины, красный шарик, от которого ощути-мо веяло жаром.

– Да вы издеваетесь, – разглядывая его, пробормотал Константин. – Это что, шутка такая? Магическая зажигалка?

Вот только ответить ему было некому. Торопливо сунув ценное, а может, и бесценное, приобретение в нагрудный карман, он продолжил осмотр лавки. Надо сказать, за годы в запустении она удивительно сохранилась. Как? Бывший детектив мог только гадать, но табак в пакетах из какой-то

странной металлизированной фольги был свеж, словно его только вчера выложили на прилавок. Найдя приличный аромат, Воронцов набил трубку и, усевшись в слегка пыльное кресло, закурил. Эта трубка была для него трубкой мира – тишина и умиротворение, запах великолепного, настоящего табака, а не той дряни, которую он привык курить и которую пихают в отечественные сигареты среднего ценового сегмента. Несколько минут спокойствия и релакса. Даже пустой живот отошел куда-то на задний план.

Через десять минут Воронцов вычистил трубку и, пройдясь по лавке, взял еще три пакета с табаком, которые отправились в ранец. Самое печальное, что это был не огромный туристический рюкзак, и сейчас место в этом недоразумении стремительно заканчивалось. Еще немного, и туда даже пару портянок не удастся запихнуть. Но для папиросной бумаги место все же нашлось, а небольшой портсигар из чистого серебра отправился во внутренний нагрудный карман куртки.

Воронцов так увлекся, что не заметил появления нового действующего лица. Почувствовал между лопаток тяжелый и злобный взгляд, Константин резко обернулся, вытягивая из кобуры револьвер. Смерть снова замерла у него за спиной, занеся свою острую косу, готовая в любой момент обрезать нить жизни...

Глава четвертая

Выстрел и атака твари произошли одновременно. Нечто небольшое, словно маленькая обезьянка, едва дотягивающая ему до колена, полностью закутанная в черный туман, не чета чертику, вокруг того только крупные клочья скользили, прыгнула на Воронцова прямо с прилавка, на дистанцию в метра три. Раздался звон бьющегося стекла, это пуля разворотила банку с чем-то, напоминающие сигары. Константин промазал, а вот тварь нет, острые когти полоснули по предплечью руки, сжимающей револьвер. Крепкая кожаная куртка не смогла оказать сопротивления когтям очередного мутанта мертвого города. Резкая боль, оружие падает на пол, просто пальцы неожиданно отказались его держать. Отшатнувшись, Воронцов отскочил в сторону к противоположенной стороне комнаты, рука повисла плетью, заливая пол кровью, которая текла из трех глубоких ран. Как и давешний чертик, тварь была трехпалой, вот только по сравнению с ней, тот выглядел медленным и неуклюжим.

Тварь же, нанеся свой удар, ловко ухватила левой лапой за верхнюю полку стеллажа и повисла на верхней конечности. Глядя на раненого человека, подтянув к себе длинные нижние лапы, вывернутые суставами назад, она уперлась во вторую полку, готовая атаковать. Несколько секунд ничего не происходило. Константин смотрел на тварь, тварь

смотрела на него, уставившись на объект своими красными, словно рубины, глазами. Тьма вокруг нее была гораздо плотнее, Константин с трудом мог разглядеть силуэт своего врага. А еще у этой твари была аура ужаса, гораздо слабее, чем у «дементора», но вполне ощутимая, сердце прилично ускорилося, пульс зашкаливал, нательная рубаша прилипла разом к вспотевшей спине. И все это меньше, чем за десять секунд.

Тварь атаковала, но на этот раз Константин не стал подставляться под удар, а прыгнул вниз, стараясь левой рукой дотянуться до револьвера. Они разминулись с «черной обезьянкой», как теперь именовал нового мутанта Воронцов, в считанных сантиметрах. На этот раз тварь не дотянулась, она снова оказалась на полке, уцепившись за нее когтями, и, уставилась на Воронцова, замерла.

Сам же бывший детектив все же добрался до оружия, пальцы сомкнулись на рукояти. Он резко перевернулся на спину и выстрелил с пола, пуля угодила совсем рядом с тем местом, где еще мгновение назад был враг. Револьвер подбросило вверх, отдача у ствола оказалась серьезная, брызнула щепка, но «черная обезьянка» оказалась быстрее. Тварь стремительно, словно юла, ловко перехватываясь лапами, закручиваясь вокруг себя, сместилась на другую сторону стеллажа и теперь оказалась с правой стороны.

– Хочешь поиграть? – оставаясь лежать и держа на прицеле окутанную тьмой обезьяну, сквозь зубы процедил Воронцов. – Ну, падла, давай поиграем.

С левой руки он, конечно, стрелял гораздо хуже, но ведь почти попал, всего пару сантиметров левее бы взять.

Тварь задрала голову, словно прислушиваясь к человеческой речи, ее алые кровавые глаза блестели в сумраке торгового зала, несмотря на то, что солнце светило прямо в витрину, грязное, помутневшее стекло мешало солнечным лучам. И тут Воронцов осознал, вот почему сучья обезьянка свалила с левой стороны, там было светлее, чем в любом другом месте. Существу, закутанному во тьму, не нравился яркий свет.

– Ну что ж, – с трудом поднимаясь на дрожащие от слабости ноги и пятясь к витрине, прошипел Константин, при этом он старался не разорвать с тварью зрительный контакт. – Иди сюда, – почти ласково, словно уговаривая, произнес он.

С каждой секундой Воронцов ощущал, что правая рука совсем ему не повинуетя, точно ледокаином обкололи, деревяшка деревяшкой, и это меньше, чем за минуту. И самое плохое, что это ползло по руке все выше и выше, еще немного, и он весь такой будет, живой, но деревянный. А потом его сожрут, а он даже не сможет пальцем пошевелить.

Тварь атаковала длинным красивым прыжком. Воронцов присел быстро, насколько смог, и выстрелил дважды. Палил он не в маленькую обезьянку, а в стекло витрины. Оно было толстым, но пуля оказалась сильнее. И повезло же, могло ведь получиться, просто пулевое отверстие, но нет, разби-

лось, как и было нужно. Со звоном посыпались на мостовую осколки, солнечные лучи залили все помещение. Тварь словно ослепла, она врезалась в стойку и, уцепившись за полку лапами, завертела башкой, не видя ничего вокруг себя. Тень, окутывающая ее, начала стремительно таять, открывая худое жилистое тельце. Револьверная тупоголовая пуля вошла прямо в центр хилой тощей груди. Когти твари разжались, и она рухнула на пол. Еще с минуту лапы твари подергивались, когти скребли по паркету, оставляя на плашках глубокие борозды. Наконец, она дернулась в последний раз, вытянулась во всю длину и замерла. А вместе с этим исчезла и давящая атмосфера ужаса, страха и тревожности. Теперь Воронцов смог вздохнуть с облегчением. Но больше всего его обрадовало, что пораненная правая рука начала оттаивать, и не прошло и пары секунд, как он смог снова пошевелить пальцами. А с мертвым мутантом происходило то же самое, что и с чертиком, еще не до конца рассеявшаяся под солнечными лучами тьма начала собираться в одной конкретной точке. Вот она сгустилась до максимума, и в лужу натекшей крови упал маленький антрацитовый шарик.

Воронцов убрал револьвер в кобуру, затем нагнулся и поднял его, осмотрел. Точно такой же, как и с чертика, холодный, но гораздо более плотный, словно тьмы в нем куда больше. Константин сунул находку в карман, теперь пора было заняться рукой, тем более она почти отошла от заморозки и начала болеть. «Бибизьянка» располосовала куртку без

жалости, три широкие рваные дыры длиной сантиметров пять каждая, подкладка пропиталась кровью. Стянув куртку, Константин поморщился, прилетело хорошо, глубина в сантиметр, кровь сочилась обильно, оставляя на пыльном полу маленькие лужицы. Но Воронцов осознавал, что при таких ранах, хлестать должно гораздо сильнее, похоже, усиленная регенерация осталась с ним навсегда, и если все будет хорошо, то к утру и следа не останется. Достав пару обрывков простыни, которые он взял как раз на такой случай, он промыл глубокие царапины вином, оставив себе на пару глотков. Защищало, на глаза навернулись слезы. Воронцов, морщась, добил из горла остатки, сцепив зубы, принялся бинтовать. Левой рукой это было делать неудобно, но он справился. Пошевелил пальцами, те слушались, ему повезло, и тварь не повредила ничего важного, так, кожу попортила. Подняв с пола нечто напоминающее сигариллу, свернутую из листов табака, он прикурил. Напряжение начало отпускать. О том, что табачный запах может привлечь еще кого нежеланного, Константин не думал, нужно было успокоить нервы, а сигарета вполне себе хороший способ. Да и табак был отличным. Достав портсигар, он по максимуму набил туда сигарил. Остальные запихнул в карман ранца, вышло немного – всего полсотни штук. Затем вспомнил кое-что важное. Вытащив револьвер, откинул барабан, вынул стреляные гильзы и вставил в гнезда новые патроны. Латунные цилиндрики, пахнущие порохом, завернул в тряпицу, чтобы не гремели и

убрал в карман ранца, вдруг сгодятся. Вообще ему повезло, ни одной осечки, капсюли и порох благополучно пережили все эти годы, и сработали, как положено. Глянув на труп, он усмехнулся.

– Сходил, блин, за сигаретами.

К руке уже вернулась полная чувствительность, и теперь она ныла. Но поскольку никаких таблеток не было, то приходилось просто терпеть. Прихватив еще пару пакетов с табаком, Константин кое-как запихнул их уже поверх добытого и, сбив прикладом карабина, который значился в каталоге братьев Силовых, как винтовка Родимцева, кавалерийский вариант, остатки витрины, оглядел пустую улицу. Он на шумел, и на этот раз серьезно. И точно, на втором этаже дома напротив мелькнула шустрая тень, очень напоминающая чертика, но на залитую солнцем улицу он лезть не решился. Все же твари, отмеченные тьмой, очень не любили света. Откуда вообще взялась эта «бибизьянка»? Скорее всего, она пряталась где-то в доме и явилась, почуяв человека. Как она незаметно попала в зал, осталось для Константина загадкой.

Чертик снова появился в окне и уставился на человека своими глазами, напоминающими горящие угли. Воронцов прямо ощущал его желание напасть, но десять метров улицы были для него непреодолимой преградой. Бывший детектив вскинул карабин к плечу, дистанция плевая – и пятнадцати метров не будет. Мутант, словно почуял, что сейчас его шлепнут, мгновенно отпрянул, скрываясь в глубине до-

ма. Вывод, который сделал Воронцов, был очень простым — чертик отлично знал, что такое человек с оружием, а значит, сталкивался с подобными ему. И он их опасался.

Подняв валяющуюся на полу куртку, Константин надел ее обратно, пора было возвращаться к первоначальному плану. После ранения его стало покачивать, слабость усиливалась, срочно требовалось поесть, и поесть плотно. Регенерация начала из организма последние резервы, и если он их не восполнит, то скоро просто рухнет.

Выбравшись наружу, Константин вернулся на центральную улицу и снова двинулся к реке, на этот раз, никуда не сворачивая.

Река, забранная в гранит, напомнила Неву. Вообще город был похож на старый Петербург. На набережной стояли длинные дома в три-четыре подъезда и четыре этажа, не больше, не меньше. Но сейчас ему было не до архитектуры. Первым открытием стал упершийся в фасад дома грузовик. Сложно было сказать, сколько он тут простоял, в кузов нанесло листьев из растущих на набережной деревьев, но ржавчины на смятой кабине было немного, скорее всего, с момента аварии прошел год, максимум, два.

Константин подошел к машине и заглянул в искореженную кабину. Осколки лобового стекла были покрыты бурыми пятнами. За рулем сидел скелет, кто-то очень неплохо его обгрыз, поскольку на костях остались глубокие следы от когтей или зубов. Сломанные кости грудной клетки говорили о

том, что смерть водилы наступила в результате аварии, руль пробил грудь при столкновении со стеной. Больше никаких следов других людей он не нашел, если и были, то после аварии они ушли, бросив труп водителя.

Второй находкой стали следы боя на мосту – гильз, потемневших от времени, хватало, и два дочиста обглоданных косяка. Оружия рядом не было, видимо, забрали товарищи, или враги. Сколько прошло времени, Воронцов сказать не мог. Но ясно, что трупы не относятся к катастрофе, которая уничтожила этот город.

Мост был величественным, не сказать, что красивый или оригинальный, но рабочие постарались. Подобный он видел в Праге – каменный, широкий, массивный, со львами на парапетах. В общем, не жалкая поделка, сделано на совесть, монументально. Сто лет, или сколько там прошло, без ремонта простоял, и еще столько же простоит.

Константин огляделся, прикидывая, что делать дальше. С моста до воды было метров семь, рыбачить с такой высоты с его возможностями – это попросту тратить время. Он завертел головой и обнаружил небольшой причал, к которому вел вполне приличный спуск. Но больше всего его обрадовало то, что он увидел, как плещется рыба. Наверное, поэтому он не сразу засек приближающийся к мосту небольшой пароход с пулеметами на корме и на носу. На судне его тоже заметили, да и как не заметить стоящего на набережной одинокого человека, ошарашенно разглядывающего первых

встреченных людей.

Вот только местным он чем-то не понравился. Мужики, стоящие за пулеметами, резко развернули свои скорострелки, и, не задавая вопросов, без всякого предупреждения обрушили на Константина шквал огня. Если бы не гранитный парапет, за который он рухнул, тут бы вся история попаданца поневоле и кончилась. Обстрел мгновенно стих, корабль сокращал дистанцию.

Воронцов высунул башку и что есть мочи заорал:

– Эй, на борту, харэ шмалять!

Но в ответ новая очередь прошла у него над головой, которую он успел вовремя спрятать. Больше он высовываться не рисковал, местные были не расположены к общению. Видимо, любой человек в этом городе расценивался ими, как угроза, иначе они хотя бы попытались поговорить.

Через пять минут кораблик, не спеша прошел мимо, миновал мост и стал удаляться. Воронцов все же еще раз решил высунуться, попробовать еще раз пообщаться, но ему тут же продемонстрировали, что пулеметчики бдят, и про него не забыли. Короткая очередь заставила его снова нырнуть в укрытие.

– Чтобы ты сдох, пидор, – громко крикнул Воронцов вслед удаляющемуся кораблю. Потом вспомнил, что в конце девятнадцатого века в Российской империи этого слова не было, поэтому заорал, – мужеложец.

Корабль имел какой-то странный тихий движок, поэто-

му Воронцова точно слышали. Почему он так решил? Да просто в ответ прилетела короткая очередь в три патрона, и его снова обдало гранитной крошкой. Хотя и было желание стрельнуть вслед и снять кого-то из людей, сбежавшихся на корму, посмотреть на него, но не стал. Да и далековато уже, не такой он и хороший стрелок, сто пятьдесят метров по движущейся мишени – это точно не его дистанция.

Наконец, корабль скрылся из виду. Воронцов поднялся, отряхнул налипшие на мундир прошлогодние листья, которые ковром устилали набережную, и огляделся. Все же стрельба не прошла без последствий, в доме на другой стороне реки в окне мелькнула очередная тварь, закутанная во тьму. А еще он обнаружил кота, похожего на того, что решил полакомиться мертвым чертиком, и который схлестнулся со здоровенной птицей за тушку мутанта. Он несколько секунд стоял посреди улицы, но поняв, что человек жив, и готов к бою, в два прыжка скрылся среди руин.

– Беги, – напутствовал его Константин и отправился к обнаруженной пристани.

Хорошо, что корабль не застал его во время рыбалки, там не было ни единого шанса укрыться, наспиговали бы свинцом, и все.

Рыбалка оказалась на диво скучной – леска, блесна, грузило, размахнуться, закинуть, быстро перебирая руками, проташить, снова закинуть. На третий заброс Константин не без труда вытащил на гранитный причал рыбину килограммов

в пять. Та отчаянно сопротивлялась, и Воронцов был очень рад, что догадался обмотать руки очередными полосками ткани, а то бы изрезал ладони леской.

– Ни хрена себе, – разглядывая добычу, произнес Воронцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.